

ПОДАРОК ПОД ЕЛОЧКУ

ДИАНА РЫМАРЬ

Диана Рымарь

Подарок под елочку

«Литнет»

2025

Рымарь Д.

Подарок под елочку / Д. Рымарь — «Литнет», 2025

Я хотела подарить мужу на день рождения подарок – тест с двумя полосками. Но... Не успела. Прямо передо мной такой же подарок ему вручила моя подруга. При всех, в ресторане. Даже коробочку выбрала такую же. Дальше страшный скандал, ругань. Муж сказал – разводиться глупость. Считает, я без него не проживу. Я решила доказать ему обратное, подала на развод и поехала в другой город к маме. Но по дороге этот бесхвостый кобель наглým образом меня похитил! Увез в снежные дали, где ни одной живой души. И объявил, что этот Новый год я встречаю с ним, хочу того или нет. Я устраю ему такой Новый год, что при одном воспоминании будет икать от страха. Напросился! ♀#♀#♀# Главная героиня выходит на тропу войны с мужем. Новый год ожидается жаркий! ♂# Однотомник. ХЭ

© Рымарь Д., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Упаковка — наше все	5
Глава 2. Зевс-громовержец	8
Визуал	11
Глава 3. Не злите женщин	12
Глава 4. День рождения	14
Глава 5. Рикошет	18
Глава 6. Пилюли	21
Глава 7. Где она вообще?	24
Глава 8. Ключки по закоулочкам	26
Глава 9. Все объясню!	30
Глава 10. Замок	35
Глава 11. Подарок	37
Глава 12. Переоценка ценностей	42
Глава 13. Найти, забрать и помириться	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1. Упаковка — наше все

Не входить! Обманутая женщина!

Смертельно опасно для мужчин.

Диана Рымарь

Глава 1. Упаковка — наше все

Лилия

— Ань, как думаешь, не банально, если я ему тест в коробочку? — спрашиваю я подругу. — Он ее откроет, и я сообщу: «Милый, я беременна!» Вон та золотая коробочка мне нравится. И сверху бантик.

Я указываю ей за спину на самую верхнюю из подарочных коробок.

Анька работает продавцом в магазине сувениров, с кем еще посоветоваться, если не с ней. Ведь хочется достойно упаковать мой самый дорогой, самый трогательный подарок.

Подруга приглаживает блондинистое каре, смотрит на меня с осуждением.

— Лиль, ну фигня какая-то. Что за детский сад?

— Почему это детский сад? — обиженно дую губы. — Хорошая же идея!

— Лучше вообще ему пока что ничего не говори, — вдруг объявляет она, опершись о прилавок локтем.

Мои глаза лезут на лоб.

С чего это вдруг я не должна говорить собственному мужу, что беременна? Мы в законном браке, у нас даже с жилплощадью все в порядке — трехкомнатная квартира. Его. И потом, мы старались, планировали, усиленно делали этого малыша. Я год как замужем, и первый залет. Меня уже свекровь по телефону терроризирует: «Где внуки? Лилечка, ты случайно не беременна? Пей побольше фолиевой кислоты!»

Еще чуть-чуть, и по врачам потащили бы.

Да и Кирилл очень ждет.

Наверное, на моем лице отображается дикое недоумение, потому что Анька спешит пояснить свою точку зрения:

— Ну клише, понимаешь? Упаковать тест, да еще и вручить его при всех. Потом не отмахнешься, вдруг что. Лучше позже, через месяц-другой, а еще лучше на втором триместре сказать, чтоб уж точно...

Цепляюсь за ее слова:

— Что значит «вдруг что»?

Подруга щурит голубые глаза и отвечает:

— Ну вдруг выкидыш.

— Ты нормальная вообще такое мне говорить? — визжу почти на ультразвуке.

Потому что выкидыш мне снился только в страшном сне. Невольно кладу руку на пока еще плоский живот и подавляю желание ляпнуть что-то из разряда: «Малыш, прикрой уши, тетя шутит».

Анька воровато оглядывается по сторонам:

— Тише ты, чего пищишь? Покупателей мне распугаешь.

— Так нет никого, — развожу руками.

Вправду, через пару недель Новый год, а в сувенирном магазине пусто, из посетителей целая я одна. И то уже жалею, что пришла.

Идея с конвертом для теста мне нравится все больше и больше.

Анька все-таки соображает, что обидела меня, и начинает нудеть:

— Лиль, прости... Просто для меня это большая тема...

Делает угрюмое лицо, и мне моментально становится ее жаль. Ведь год назад у нее как раз случился выкидыш от любимого МЧ, то бишь молодого человека. Мало этого, он после выкидыша ее еще и бросил.

— Ладно. — Решаю не обижаться.

Если человек такое пережил, то, понятное дело, в следующий раз будет дико суеверен и поостережется слишком рано рассказывать про беременность. Видимо, поэтому она меня предостерегает.

Анька зачем-то перебирает на стойке открытки, явно помогать мне не хочет.

— Ань, я все-таки куплю эту коробочку, дай мне ее, — зачем-то настаиваю.

Снова дожидаясь от подруги осуждающего взгляда.

Складываю руки на груди, всем видом показываю, что меня не переубедить.

Анька шумно вздыхает и выдает:

— Лиль, идея детский сад штаны на лямках. Хотя... Тебе простительно, ты ж еще дите дитем.

И второй раз за последние пять минут мои глаза лезут на лоб.

— А ничего, что мне двадцать два, как и тебе? Одноклассницами, вообще-то, были!

Аня поджимает губы, отвечает неожиданно:

— Просто внешность у тебя такая...

— Какая? — Я строго смотрю на подругу.

— Куклячая... Ты ж как кукла, правда.

Оно, в общем-то, так и есть. При росте метр пятьдесят семь природа наградила меня миниатюрной фигурой, большими карими глазами и выющимися волосами непонятного цвета: то ли шоколадные, то ли с рыжкой, а при определенном освещении даже с красинкой. Если добавить к этому пухлые губы и круглые щеки, получается та самая внешность, благодаря которой люди не воспринимают меня всерьез.

Почти все.

Даже подруга, оказывается.

— Дай коробку, — стою на своем. — Или я пойду и куплю в другом месте.

Аня поджимает губы, пару секунд на меня смотрит.

Не отвожу взгляд, продолжаю держать руки скрещенными на груди.

И побеждаю в этом молчаливом поединке.

Аня тянется к полке за небольшой продолговатой коробкой, кладет золотистую прелесть на прилавок.

— Тест давай, — просит она.

— Сама положу, — грозно бурчу.

— Давай, — смягчается Аня. — Я красиво уложу, атласной ленточкой повяжу, твой Остопов будет в восторге.

От последней ее фразы моя обида потихоньку рассасывается.

— Правда так думаешь? — спрашиваю уже другим тоном.

— Конечно, — с грустинкой отвечает она.

Когда я протягиваю ей тест, она аккуратно крепит его на дно коробочки двусторонним скотчем, потом ловко перевязывает коробочку лентой и вручает мне.

— Держи. Денег не надо, пусть это будет от меня маленький подарок.

— Спасибо, Ань.

— Прости меня Лилька, — вдруг начинает она. — Просто год выдался сво-лочь-ной! Ни личной жизни, ни зарплаты, ни чего другого хорошего. Еще вспомнила про своего нерожден-

ного, и так грустно стало... Но ты молодец, залетела-таки, все у тебя будет хорошо. Я поздравляю тебя еще раз с беременностью, порадуй мужа.

К концу речи я окончательно прощаю подругу.

Во-первых, потому что жалко ее очень. Теперь, будучи беременной, я понимаю, какой это удар — потерять малыша. Да в придачу к тому любимого мужчину. Анька так над ним тряслась, что даже никому не показывала, сглазить боялась.

Во-вторых, и в-главных, я в принципе не умею дуться.

— Сегодня в восемь в рестике, не опаздывай. Мы с Кирей будем тебя ждать.

Я тянусь через стойку, обнимаю подругу.

Кирилл Аньку, конечно, не очень жалуется, но я все же пригласила ее в ресторан на его день рождения. Тем более там будет такая толпа, что моя подруга его вряд ли взбесит. Для этого будут более подходящие кандидаты: его папа, мама или братья с сестрами.

Вообще, мой муж любит побеситься и поэмоционировать, южный менталитет, что с него взять. Грозен аки Зевс-громовержец, хоть и не со мной. И выглядит соответствующе — высокий, атлетичный. Правда, в отличие от седого древнегреческого бога, у моего супруга бесподобные русые волосы и сказочно красивые голубые глаза.

Надеюсь, сегодня он будет милым и ласковым.

В самом деле, что может пойти не так? После такого-то подарочка.

В приподнятом настроении я иду дальше по торговому центру, и вдруг слышу пиликанье телефона.

Достаю, читаю сообщение и обалдеваю.

С незнакомого аккаунта мне пишут: «Ты дура слепешарая, твой муж тебе изменяет!»

Глава 2. Зевс-громовержец

Кирилл

Когда получаю очередной звонок от недовольного начальника, меня начинает потряхивать.

Не день, а просто какой-то звездац полнейший.

По ходу дела, даже сегодня не удастся уйти с работы пораньше. А ведь тридцатник все-таки, хотелось бы хоть день рождения нормально отметить.

Вот уже пару лет тружусь старшим менеджером в крупном логистическом центре техники и электроники. Тут постоянные авралы с поставками, проблемы с водителями, техника ломается периодически. А кому звонят недовольные клиенты? Разумеется, мне. Еще и начальник постоянно дышит в затылок. Бойтся, что подсижу его, упырь старый. А я подсижу, еще как! Это уже дело принципа.

Но все-таки это какой-то адский котел, а не работа.

Хорошо хоть, есть свой кабинет. Но, кроме этого и жирной зарплаты, из плюсов, пожалуй, больше ничего.

Откидываюсь на спинку офисного кресла, которое предательски скрипит под моим весом. Отвожу телефон подальше от уха, но даже так через динамик прекрасно слышен возмущенный рык начальника:

— Остапов! Где, твою мать, накладные по утренней поставке «Самсунга»? Клиенты называют уже час, а я как дурак стою!

— Так отправили же, я еще утром дал указание...

— Если бы отправили, думаешь, я бы тебе звонил? Немедленно займись этим!

— Да, Иван Васильевич, — монотонно твержу в трубку, массируя висок свободной рукой. — Конечно, я займусь этим прямо сейчас.

— И чтобы через десять минут все было сделано! Это срочно! Понял?

— Понял.

Что делать, если все дела, какие есть, — срочные? Вешаться?

Отключаю звонок, устало смотрю на стол, где громоздится нехилых размеров стопка из папок. Задач на сегодня нарезано столько, что задница в мыле с самого утра. И это только середина дня, а что будет к вечеру?

Уже собираюсь набрать номер накосячившего менеджера, как вдруг телефон пиликает звонком от Лили.

— Кхм... Кхм... — прокашливаюсь я, глядя на экран.

И сбрасываю звонок.

— Вот не до тебя мне сейчас... — пыхчу, глядя, как телефон надывается вторым звонком от жены.

Не знаю, что ей нужно, но вряд ли что-то серьезное. Про банкет напомнить или еще какую-нибудь ерунду наплести про подарки, украшения, гостей. У нее всегда куча дел из разряда «срочно-важно», а по факту — ерунда полная.

Взвинченный и взбешенный до крайности, я могу сейчас на нее сорваться, и никому от этого лучше не будет.

Лилька реагирует на мои срывы, как правило, одинаково: дует свои пухлые губы, смотрит на меня глазами обиженного щенка, и все — топит в чувстве вины. Каждый раз после такого ощущаю себя главным судачком планеты Земля.

Нет уж.

Сбрасываю второй звонок, пишу ей: «Занят. Потом».

Обычно ее подобные сообщения успокаивают, и она не беспокоит меня вплоть до вечера. Умная девочка, понимает, когда лучше не лезть.

Но, честно сказать, уже жалею, что дал ей добро на организацию моего юбилея в ресторане. Денег ушла уйма — половина моей зарплаты, к тому же к вечеру я буду никакой. Но Лильку разве разубедишь?

«Киречка, мы просто обязаны отметить твой тридцатый день рождения! Такое же бывает раз в жизни!»

Как будто двадцать девять или тридцать один бывают два раза в жизни. Женская логика — штука загадочная.

Деятельная жена собиралась созвать у нас дома кучу гостей, приготовить двести блюд. Недельный отпуск ради этого взяла, даже развлекательную программу придумала с конкурсами и прочей хренью.

Но я как представил табор из родственников и друзей в нашей квартире, шум, гам, суету, крики, смех до утра, так сразу и выделил ей деньги на ресторан.

Потому что дома я согласен терпеть только ее. Желательно в красивом белье. Или даже без него... Да, Лиля без белья — вообще шикарно. Особенно когда встречает меня после работы в одной только рубашке...

Снова пытаюсь набрать менеджера, и снова звонок от жены. Уже третий! И это после моего сообщения.

— Да! — отвечаю не слишком вежливо.

— Ты очень занят, да? — лепечет в трубку Лиля тихим, виноватым голосом.

Гениально, ёптель. То есть по моему сообщению она это не поняла.

— Занят, — чеканю в трубку. — Вечером пообщаемся.

— А ты можешь пожалуйста перезвонить мне, когда будешь не так занят? А то я до вечера не доживу...

В ее голосе слышится что-то странное — не просто обычная женская драматизация, а реальная тревога. Что ж там такого у нее случилось?

— Говори сейчас, что хотела, — смягчаюсь я, откладывая ручку в сторону.

— Я тебе в мессенджер скинула скрин, ты можешь это как-то прокомментировать?

Заинтригованный, я лезу в мессенджер и вправду вижу там скриншот экрана телефона жены. Открываю, охреневаю и сразу понимаю, почему она не может дожить до вечера.

Некто аноним с левого аккаунта пишет ей: «Ты дура слепопашая, твой муж тебе изменяет!»

Вот же сука! Сразу понимаю, почему Лиля трезвонила мне столько раз.

— Скинь ссылку на профиль, я проверю, что это за шутник, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Хорошо, скину. Но ты как-то это прокомментируешь? — просит Лиля жалобно.

Понеслась жопа по ухабам... Она серьезно мне сейчас предъявляет или шутит?

— Я надеюсь, ты не собираешься мне устраивать сцену ревности, потому что какой-то урод решил тебя потроллить? — добавляю в голос равнодушия, хотя внутри все кипит.

— Я... Нет, конечно, просто такое сообщение... — отвечает она совсем тихо, почти шепотом.

— Я тебе не изменяю. Точка. Заблокируй эту погань и забудь. Поняла меня? — четко произношу каждое слово.

— Поняла...

— Вот и хорошо. Вечером увидимся, люблю.

На этом обрываю связь и через пару секунд получаю сообщение от жены: «Я тебя тоже очень люблю».

Финалочка, конфликт исчерпан. Моя девочка умеет слушаться с полуслова.

Я бы даже забил на все это дело, но...
Я-то доподлинно знаю, кто ей это написал!
И этот кто-то сейчас у меня получит по щам.

Визуал

Дорогие, любимые, я приветствую вас в моей новой новогодней истории!
Представляю вам визуал героев такими, как их вижу я.
Очаровательная Лилия, которая любит мужа и не потеряла веру в людей:

Кирилл – циник, умудренный жизнью (ну почти):

Коллажи для хорошего настроения:

Надеюсь, вам понравилось! А теперь возвращаемся к нашим героям.

Глава 3. Не злите женщин

Кирилл

Не трачу время понапрасну, тем более что мое стоит дорого.

Сразу набираю тот самый контакт из записной книжки... Имя лучше вслух не произносить, а то еще материализуется.

Но стерлядь не берет трубку. Гудки идут один за другим, а ответа нет.

Знает, по какому поводу звоню. Предчувствует пилюли, дрянь такая, типа она ни при чем и вообще в домике. Но ничего, я упорный, еще раз позвоню, не обломлюсь. У меня терпения хватит.

Когда б вообще такое было, чтобы она с первого раза не брала трубку! Обычно всегда с первого гудка томно дышала своим: «Алло-о-о». Видела мой номер на дисплее и сразу включала режим соблазнительницы.

Однако мне не отвечают и на второй звонок. В трубке все те же монотонные гудки, от которых уже сводит зубы.

Ладно, раз так не выходит, буду действовать по-другому.

Отправляю сообщение, не стесняясь в выражениях: «Очень хочешь, чтобы я приехал лично и дал тебе дрозда? Я ж ведь приеду, и тогда тебе настанет пушной зверь по имени Песец. Перезвони немедленно!»

Откидываюсь на кресле и жду.

В коридоре тишина — коллеги попрятались по своим норам, чувствуют, что шеф не в настроении. Только тикают настенные часы да где-то далеко гудит принтер.

Не проходит и минуты — стерлядь перезванивает.

— Да, Кирюша? Ты что-то хотел? — Голос, словно мед с молоком, прям тошнит от этой сладости. — Я была занята, не могла взять трубку, извини.

Играет роль невинной овечки, сука подколотная.

— Ну и на хрена ты это сделала? — не церемонюсь я.

— Что сделала? — В ее фразе такое искреннее удивление, что если б я ее не знал, то вправду усомнился бы в причастности.

Но в том-то и дело, что я ее натуру знаю. Да и некому, кроме нее, такими гадостями заниматься. Других кандидатов в поставщики анонимных сообщений у меня попросту нет.

Не понимаю некоторых баб. Дали тебе отставку, не подошла ты, на хрен не сдалась — ну и что? Поимей гордость, иди своей дорогой, найди себе другого лоха. Но нет же! Будет исподтишка гадить, нервы трепать, в чужую семью лезть, подставлять передок и задницу.

Честно сказать, я раньше думал, что все такие. Везло мне на подобные экземпляры как утопленнику.

До Лильки был практически уверен, что в этом гребаном городе нормальных девушек вообще не водится. Одни хищницы, манипуляторши и стервы. Но моя жена — отдельная тема для басен и легенд. И что главное — абсолютно бесхитростное создание, которое верит людям, как себе.

Я аж прозрел, когда начал с ней общаться. Думал, не бывает таких, чтобы все чувства на лице и мысли как на ладони. При этом ноль попыток мной манипулировать, а я это моментально раскусываю — нюх собачий на подобную хрень.

Понятия не имею, как Лиля вообще дожила до своих лет без меня, при этом умудрившись не врюхаться ни в какие неприятности. Чудо, не иначе.

Но теперь у нее есть я, и я не позволю, чтобы с ней что-то случилось. Тем более не допущу, чтобы всякая стерлядь трепала ей нервы, и неважно, что у меня с этой стерлядью было.

— Выключай дуру, — говорю я жестко, не скрывая раздражения. — И я, и ты знаем, кто написал Лиле, что я ей изменяю. На кой хрен ты это сделала?

— Я ничего не писала! — возмущается она с такой убедительностью, что хоть «Оскар» выдавай. — Ты что, с ума сошел? Разве я стала бы так подставляться? Она же моя подруга...

На это мне хочется зарычать, как медведь-шатун. Говорил же Лильке тысячу раз — не общайся с ней, идиотка конченная. Но разве ее переубедишь? Когда не надо, моя жена упрямее любого барана.

— И что? Тебе по кайфу трепать подруге нервы? — добавляю в голос угрозы. — Прекращай немедленно!

— Говорю же, я ничего ей не писала! — настаивает она слезливо. — Может, это одна из твоих...

В том-то и дело, что нет больше никого.

— Предупреждаю последний раз, — произношу я медленно и отчетливо, чтобы каждое слово дошло до ее змеиных мозгов. — Еще что-то такое вычудишь, я подвешу тебя за стринги на елку прямо на улице! Из города тебя выдавлю, как прыщ! Усекла?

— Усекла... — хрипит она пугливо.

На этом я торжественно вешаю трубку, швыряя телефон на стол.

Сегодня же прослежу, чтобы Лиля удалила на хрен ее номер и забыла, как ее звать. Заблокировала в соцсетях, в мессенджерах — везде. Сегодня же, без вариантов!

Телефон булькает новым сообщением. Ожидаю увидеть на экране слезливую эсэмэску от стерляди с извинениями и обещаниями больше не лезть в нашу жизнь, но сообщение от начальника, причем голосовое.

Включаю воспроизведение, и из динамика раздается его возмущенный вопль, от которого хочется швырнуть телефон об стену:

— Остапов, накладные по «Самсунгу» где?! Я все еще жду!

Твою ж мать... Накладные, так их растак!

Матерясь под нос, погружаюсь в работу и начисто забываю про проблемы с бабами.

Как выяснится позже — зря.

Глава 4. День рождения

Лилия

Выложились по полной — это про меня сегодня.

Я кручусь перед зеркалом в черном платье с вырезом, которое купила специально для этого вечера. Волосы уложены в аккуратные локоны — проторчала в салоне уйму времени, но оно того стоило. Макияж я делала сама, но получился ничуть не хуже профессионального, очень элегантно.

В отражении на меня смотрит довольная собой девушка, почти уверенная в себе.

Я приезжаю в ресторан за полчаса до начала — чтобы встретить всех гостей лично.

В холле пахнет елочной хвоей. Где-то тихо играет джаз.

Прохожу в просторный зал ресторана, чтобы проверить, как обстоят дела с сервировкой.

Наш стол в правом углу, и он просто произведение искусства.

Белоснежная скатерть, хрустальные бокалы, которые звенят при малейшем прикосновении, золотистые салфетки в тон моему секретному подарку. В центре композиция из белых роз и еловых веточек. Очень хочется, чтобы сегодня все было празднично и торжественно.

А блюда-то какие подали на стол: тартар из лосося красиво выложен розочками, утиная грудка под вишневым соусом источает умопомрачительный аромат, а фирменный торт — трехъярусное чудо в шоколадной глазури — ждет своего часа в холодильнике.

Гости подтягиваются один за другим. Наши с Кириллом друзья, родственники в своих лучших нарядах, с пакетами подарков в руках.

Встречаю, рассаживаю пришедших за огромным столом. Улыбаюсь, болтаю о пустяках, а сама то и дело поглядываю на вход.

Да, встретила всех... Кроме мужа.

Который так до сих пор не приехал, хотя уже восемь вечера.

Меж тем гости уже начинают шушукаться. Слышу, как тетя Света шепчет моей свекрови: — Где же именинник-то? Неудобно как-то получается...

А дядя Толя уже поглядывает на часы и вздыхает.

Как назло, все тридцать человек пришли вовремя, даже Анька, которая обычно опаздывает на полчаса минимум. Сегодня подруга вообще явилась первой — в ярко-красном платье, с новой стрижкой и каким-то особенным блеском в глазах.

Зато моего драгоценного супруга нет, и это начинает беспокоить по-настоящему.

Выхожу в холл, выглядываю его. Постучиваю шпилькой по мраморной плитке. Злюсь, листаю сообщения в телефоне в надежде увидеть хоть какие-то новости.

И хочется застонать в голос, когда вижу то, что пришло пять минут назад от Кирилла: «Я мощно застрял в пробке».

Мощно, блин! Как будто нельзя хотя бы на одно семейное торжество явиться вовремя, взять и уйти с работы не в восемь вечера, а, как все нормальные люди, — в шесть.

У меня, вообще-то, подарочек в сумочке уже воет, так хочет, чтобы его наконец вручили. Точнее, это я уже внутренне вою от нетерпения — не терпится наконец рассказать мужу про беременность. Ведь я никому не говорила, кроме Аньки. А хочется забрать микрофон у того певца, что развлекает народ популярными песнями в зале ресторана, и объявить во всеуслышание, что у нас с Кирей скоро появится малыш. Но его папаша, свинтус, не хочет являться на собственный день рождения!

Поджимаю ярко накрашенные губы, оглядываюсь на новогоднюю елку, что стоит тут рядом. Красивая, зараза, вся в золотистых гирляндах, переливается, шары висят, как драго-

ценные камни. Эх, нам бы такую. Но Кирилл мне уже объявил, что елок не любит и вообще вся эта праздничная мишура — не для него.

«Не расстраиваться, не расстраиваться...» — повторяю я про себя, но сердце все равно сжимается от обиды.

Ведь я так старалась, все подготовила, а он...

Однако через время я забываю про все свои расстройства, потому что в стеклянных дверях наконец появляется Кир.

Впиваюсь в мужа взглядом и разом забываю, что собиралась злиться. Господи, какой же он у меня обалденный. Статный, высокий мужчина в темном полупальто, волосы слегка растрепались от ветра, на щеках румянец от мороза. Такой... мужественный, аж дух захватывает.

Он снимает верхнюю одежду, отдает ее девушке в гардеробной, которая при виде его расцветает и начинает заискивающе улыбаться.

Потом Кирилл подходит ко мне, и я моментально тону в его темных глазах.

Муж крепко меня обнимает, прижимает к себе. Чувствую родной запах — его парфюм, нотки мускуса и зимнюю свежесть.

Кирилл приближает губы к моим губам и шепчет низким голосом:

— Прости, задержали на работе, там такой аврал был...

А я уже и не думаю злиться. Таю в его руках.

— Я так рада, что ты здесь... — шепчу в ответ.

Хочу ухватить эту минутку только для себя. Ту самую волшебную минутку, когда целый день не видела любимого — и наконец в его объятиях. Мое сердце трепещет, я вся в эмоциях, готова раствориться в нем без остатка.

Пусть еще обнимет, еще поцелует, и так по кругу.

Но, как всегда, эту самую минутку с усмешкой прерывает Кир:

— Что ж ты так откровенно плывешь при каждой встрече? Год уже женаты, Лиль.

— А? — Даже поначалу не понимаю, что он говорит, но быстро включаюсь: — Пойдем, все уже ждут.

Хотя в душе становится чуточку обидно.

Для меня каждая встреча с ним — это событие, маленький праздник. А для него — обыденность. Наверное, это нормально для тех, кто давно в отношениях. Но все равно больно.

Тут же вспоминаю про подарочек, который ждет в сумочке. Хочу остановить мужа, вручить прежде, чем войдем в зал, но Кирилл уже успевает пройти в двери.

В зале ресторана поднимается настоящий переполох. Все дружно встают из-за стола, бокалы звенят, стулья скрипят по паркету. Друзья по очереди обнимают именинника, жмут руку, хлопают по плечу. Женщины целуют в обе щеки, оставляя следы помады. Звучат поздравления: «С тридцатилетием!», «Желаем успехов!», «Будь счастлив!»

Его родители протягивают конверты с деньгами — я вижу, как Кир довольно улыбается. А моя мама — далеко, я ведь сама не из Краснодара, приехала сюда учиться, да так и осталась.

Наконец наступает мое времечко, минутка славы.

Прямо при всех, пока никто еще не успел рассесться за столом, звонким голосом объявляю:

— Кирилл, у меня для тебя особенный подарочек...

С этими словами лезу в сумочку, а там молнию, как назло, заело.

Все смотрят на меня, ждут, а я не могу достать коробочку. Дрожащими пальцами пытаюсь справиться с собачкой молнии и чуть не ломаю ноготь.

Неожиданно к нам подскакивает Анька.

Причем внаглую лезет прямо передо мной, хотя подруга доподлинно знает, что я сейчас достану из сумки и как нервничаю по этому поводу.

Отвлекает все внимание на себя и во всеуслышание произносит фальшиво-сладким голосом:

— С днем рождения, Кирилл! У меня для тебя тоже подарочек!

При этом она достает из своего пакета коробочку размером и цветом точь-в-точь как моя золотистая, которую я у нее же сегодня взяла в магазине.

На секунду закрадывается дикое подозрение — неужели Аня решила так подколоть? Вытащила у меня из сумочки коробочку, чтобы вручить ее самой?

Хотя нет, это точно не моя. Я ведь прикрепила к коробочке трогательную записочку, которую Кириллу следовало прочитать перед тем, как открывать подарок. А на этой коробке никакой записки нет.

К тому же она дарит от своего имени!

Удивленно тарашусь на это дело, замираю, не в силах сказать ни слова.

В голове полная каша — что происходит?

Кирилл едва заметно мрачнеет, и я чувствую, как от него исходит напряжение.

— Открой, пожалуйста, — просит Аня, ища одобрения в глазах собравшихся гостей.

И мой муж открывает коробочку.

Я ожидала увидеть там ручку или какой-то недорогой браслет, да что угодно, кроме... Теста на беременность с двумя яркими полосками. Какое-то дикое дежавю накрывает меня с головой.

— Что это значит? — гудит Кирилл, одаривая Аньку возмущенным взглядом.

А та отпихивает меня в сторону локтем — больно, зараза! — и отвечает с довольным, торжествующим видом:

— Кирюша, я беременна от тебя.

Гости в шоке. Все как один замирают с открытыми ртами, смотрят поочередно то на Кирилла, то на Аньку, то... на меня.

В зале повисает такая тишина, что слышно, как где-то на кухне звенит посуда. Даже музыкант в углу прекратил наяривать на синтезаторе и стоит, приоткрыв рот, ждет продолжения представления.

А я, кажется, вообще перестаю что-либо понимать.

Будто отрываюсь от реальности.

Просто смотрю на бледнеющее лицо мужа и жду. Жду, что он скажет.

Ну давай же, рассмейся, хлопни Аньку по плечу, похвали за забавный пранк. Хотя какой он забавный? У меня аж живот тянет от ужаса и грудь давит железным обручем.

— Ань, ты шутишь? — пишу не своим голосом.

Анька поворачивается ко мне, одаривает хищным взглядом.

— Нет, я не шучу, — отчеканивает она, наслаждаясь каждым слогом.

В ее голосе звучит такое торжество, будто она наконец-то добилась чего-то жизненно-важного. А может, для нее это именно так и есть.

Кирилл дергается, словно его ударили током.

— Она шутит! Конечно же, она шутит. Ха-ха-ха, хороший подкол, Ань, а теперь иди отсюда. — Его смех деревянный, фальшивый.

— Я не уйду! — Анька выпрямляет спину. — Любишь кататься, Кирюша, люби и саночки возить. Давно пора было сказать Лиле, что ты со мной в отношениях...

— В каких отношениях? — Кирилл повышает голос. — Мы с тобой расстались год назад! До сих пор с содроганием вспоминаю! Нет у нас никаких отношений, ты, лживая...

Расстались год назад? Это качественно новая для меня информация.

Как истинная самка жирафа, я с изрядным запозданием обрабатываю новую информацию. Аня мне все уши прожужжала про козла, который бросил ее сразу после выкидыша. Мы с Кириллом как раз в то время познакомились. Получается, тот козел — он?

Но ни муж, ни Анька мне ничего не говорили друг про друга. Почему?

От шока меня начинает подташнивать.

Анька прищуривается, и в ее взгляде появляется что-то змеиное.

— Ты любишь меня, Кирилл, просто не хочешь это признать. — Она делает шаг к моему мужу, и я вижу, как он инстинктивно отступает. — Я целый год ловила на себе твои взгляды и...

— Рехнулась? — Кирилл перебивает ее, но в его голосе уже нет той уверенности. — Да сто лет ты мне не сдалась, бросил и забыл...

— А то, что было два месяца назад в Сочи, тоже забыл? — Анька торжествующе улыбается, и у меня мурашки бегут по спине. — Лильку не взял, с друзьями в горы поехал, раздевал меня глазами весь вечер.

А ведь он и вправду меня тогда не взял. Я помню его поездку в Сочи — он сказал, что это чисто мужская компания. Я даже обиделась тогда, но быстро простила. А теперь...

— Ты бредишь, Аня! Ничего такого не было, — отвечает Кирилл.

Но по тому, как бегают его глаза, понятно, что врет.

Я знаю своего мужа. Знала.

— Что, даже не помнишь, как утром вместе проснулись? — Анька наслаждается каждым словом, будто лакомится вкусным десертом. — Совсем память бо-бо? Вот, два месяца прошло, я точно убедилась в том, что беременна, пришла сказать. Аборт делать не буду, кстати.

От ее слов меня резко бросает в жар, хватаюсь за спинку стула, чтобы не упасть.

Смотрю на мужа круглыми глазами, все надеюсь, что он начнет и это отрицать.

Но он ничего не отрицает, только злится все больше. Лицо становится свекольным, а на шее вздувается вена — верный признак того, что Кирилл на грани срыва.

— Пойдешь на аборт, еще как! — рычит он, и несколько женщин охают от такой грубости.

В этот момент гости разом отмирают, начинают напряженно спорить. Голоса сливаются в какофонию:

— Гнать ее отсюда...

— Чушь плетет! Кир бы никогда...

— Пришла, праздник испортила, будто другого момента не могла найти!

— Да что вы понимаете, может она правду говорит...

— Какая правда? Видно же, что психопатка!

А я стою посреди этого хаоса, словно в эпицентре урагана, и чувствую, как рушится мой мир. Каждое слово Аньки — новый удар, от которого не оправиться.

Наверное, мне тоже сейчас следовало бы напасть с обвинениями на лучшую подругу. Или на Кирилла, который стоит весь багровый, размахивает руками, пытается что-то там объяснить своим родителям.

Не слышу его слов из-за нарастающего шума в ушах, он заглушает все остальные звуки.

Вступать в перебранку я тоже смысла не вижу, потому что ругаться сейчас не смогла бы при всем желании. Горло сдавлено спазмом, хочется только тихо рыдать от жгучей, концентрированной боли, которая пробирает каждую клеточку тела.

В какой-то степени я теперь даже рада, что в сумке заела молния и я не успела достать свой подарок.

Потихоньку отхожу назад, прячусь за спины гостей, благо комплекция у меня подходящая. За крупными фигурами родителей Кирилла меня вообще не видно.

Шаг за шагом пробираюсь к выходу.

И сбегаю, чтобы позорно не разреветься при всех.

Глава 5. Рикошет

Кирилл

Что называется, отметил день рождения, посидел с друзьями, родственниками, женой... Аж три раза!

Юбилей, блин, тридцать лет, солидный возраст — и такое фиаско.

Стою теперь, как олень, посредине зала ресторана и понять не могу, как эта выдра смеет портить мне праздник.

Зато Анька выглядит очень собой довольной и даже не думает хотя бы покраснеть для приличия. Наоборот, ее глаза блестят от торжества, губы растянуты в самодовольной улыбке.

Дрянь паршивая!

— Совесть у тебя есть вообще? Такое устраивать... — рычу на нее, сжимая кулаки.

Но эту мадам так просто не проймешь. Она нагло выпячивает подбородок, даже бровью не ведет.

Какая такая совесть? Нет, не слышали про такого зверя. Само собой.

В этот момент вперед выходит мама, ее каблуки гулко стучат по паркету. Она потрясает пухлой рукой с массивными браслетами, тычет в меня пальцем и говорит:

— Не таким я тебя растила, сын! Что за манеры — тащить любовницу на семейный праздник...

От ее слов меня аж передергивает.

Любовницу! Разве что в Анькиных влажных фантазиях.

Да я на эту гарпию даже смотреть не хочу.

— Я ее сюда не тащил, даже не приглашал! — огрызаюсь, чувствуя, как начинает дергаться глаз.

— Тогда что она тут делает? — Мама наступает, аж паркет скрипит под ее внушительным весом.

— Не вашего ума дело, Любовь Прокофьевна! — нагло вклинивается Анька. — Я пришла сказать правду!

От ее последней фразы у меня аж рука чешется надавать нахалке по шее.

В этот момент гости снова разом начинают голосить.

Бабушки охают, дедушки ворчат что-то про молодежь, кто-то нервно покашливает. Весь этот гвалт бьет по ушам.

Как же я устал от этого бедлама. Аж голова начинает болеть.

Все, с меня хватит.

Не церемонясь, цапаю Аньку под локоть и увожу из зала. Сначала она идет смирно, только фырчит под нос что-то ядовитое. Потом вдруг начинает сопротивляться, дергается, как угорь. В холле и вовсе цепляется за мраморную колонну, как маленький ребенок, ногти скребут по камню.

При этом кричит:

— Ты от меня просто так не избавишься! Не в этот раз!

Разжимаю руку, встаю над ней и цежу сквозь зубы, стараясь говорить тише — все-таки публичное место:

— Завтра же... Поняла? Завтра же я веду тебя к тете Лиде на осмотр, она гинеколог со стажем, быстро определит, беременна ты или нет.

— И что дальше? — Анька выпрямляется, отряхивает платье, смотрит вызывающе.

— А дальше, если ты вдруг беременна, в чем лично я сильно сомневаюсь, сделаем ДНК-тест. Ты не повесишь на меня чужого ребенка! Я не дам тебе портить мою жизнь!

— А мою жизнь портить можно, получается? — В ее голосе появляются истерические нотки.

— А свою жизнь ты портишь сама, дрянь прилипчивая!

Тут к нам подходят двое охранников — здоровые парни в черных костюмах. У одного из парней шрам над бровью, у второго кривоватый нос — видно, что работают не первый день и не привыкли задавать лишние вопросы.

— Проблемы? — басит тот, что покрупнее.

— Да, — киваю, указывая на Аньку. — Эта девушка явилась на праздник без приглашения, устроила скандал. Попрошу вывести ее.

Охранники моментально реагируют, берут Аньку под белые ручки — без лишней грубости, но твердо.

Однако та все никак не успокаивается, орет во все горло:

— У меня есть приглашение! Меня Лилька пригласила!

Лилька...

Наконец вспоминаю про жену, о которой в свете возможного и нежелательного отцовства слегка подзабыл. Как же так получилось?

— Че-е-ерт... — Веду рукой по лицу.

Это ж мне сейчас придется ей все как-то объяснять!

— Да что ж такое сегодня... — бормочу.

На автомате наблюдаю, как охранники выволакивают все еще вопящую Аньку на улицу.

Силюсь придумать, что бы такого сказать жене, чтобы максимально быстро исчерпать конфликт. С другой стороны, она у меня умная и послушная девочка, прилюдно не станет устраивать разборок. Не тот характер, слишком мягкая и неконфликтная.

Сейчас найду, объявлю всем, что Анька придумала сказку, чтобы попортить мне кровь. Не будем обижаться на сумасшедшую. Посидим с Лилей пару часов, а потом домой, выяснять отношения.

Кстати, дома и стены помогают.

По-быстрому ей объясню, что Аня — змея подколодная и что именно поэтому я не хотел, чтобы Лилия с ней общалась. Расскажу все как было, покаюсь, получу свою порцию пилюлей, в некотором роде заслуженную.

В общем, к полуночи уже помиримся.

В конце концов, жена мне в рот заглядывает, любит меня, как кошка, должна все понять и простить.

План?

Охренительный план, как по мне.

Войдя в зал ресторана, выдыхаю, заметив, что роль хозяйки вечера взяла на себя мать.

Любовь Прокофьевна — женщина основательная, под метр восемьдесят, с внушительными формами и прической, которая добавляет ей еще сантиметров десять. Сейчас она в своей стихии: командует официантами, рассаживает растерянных гостей, машет руками с такой энергией, что ее золотые браслеты звенят, как колокольчики.

— Ну что просто так сидеть-то? — гремит она на весь зал. — Не дай бог, горячее остынет. Официант, неси уже второе! — Поворачивается к гостям, разводит руками: — Нечего добру пропадать, вон сколько еды, за все заплачено. И нечего всяким дурам позволять портить день рождения моего сына. Да что там — юбилей!

Все ее слушаются, кивают, послушно берутся за бокалы и вилки. Мама умеет управлять толпой — этого не отнять, завуч средней школы как-никак.

Едва меня замечают, мать спрашивает:

— Вы с Лилей поговорили? Все в порядке? Где Лилия?

Только тут понимаю, что супруги среди гостей нет.

Оглядываю зал — за столами сидят родственники, друзья, но моей маленькой темноволосой жены нигде не видно.

— А где Лиля? — переспрашиваю с придурковатым видом.

Я-то был уверен, что она здесь, просто затерялась среди гостей.

С места подскакивает младшая сестра Наташа — молодая мамаша, которая впервые за полгода вышла в люди без младенца. Еще не отвыкла от постоянной тревоги, вздрагивает на каждый громкий звук. Сегодня она при полном параде: новое платье, свежая укладка, даже маникюр сделала. Говорила, что очень соскучилась по взрослым разговорам.

— Она, наверное, пошла в туалет, я видела, как она вышла из зала. Я приведу, — обещает Наташа.

Но я не оставляю это на самотек, иду с ней к дамской комнате.

Жду в коридоре, слушаю, как стучат каблуки Наташи по кафелю, как скрипит дверь. Вскоре сестра выходит, разводит руками:

— Лили там нет. Я везде посмотрела, пусто.

И начинается суeta...

Звоним Лиле — первый гудок, второй, третий... Не берет!

Еще раз звоню — опять гудки и автоответчик.

Затем мы с друзьями проверяем все помещения ресторана: банкетный зал, холл, даже заглядываем в служебные помещения.

Официанты качают головами — не видели.

Через десять минут беготни по всему ресторану я наконец догадываюсь проверить в гардеробе, есть ли ее шуба. Подхожу к стойке, описываю: бежевая, с капюшоном.

— Такую забрали минут двадцать назад, — отвечает гардеробщица.

Тут-то до меня окончательно доходит, что Лилия сбежала.

Просто взяла и свалила, не сказав ни слова. Вот тебе и послушная жена.

Да, переоценил я ее, когда посчитал умной.

Приеду домой и вставлю таких пилюлей...

Глава 6. Пилюли

Кирилл

Из ресторана еще попробуй выберись без потерь...

Оно понятно, что родственники в кои-то веки красиво оделись, потратились на подарки и выбрались в люди. Но все же мне непонятно — какого хрена они так за меня цепляются?

Ведь даже мои родители, которые, по идее, должны понять, ни черта не поняли моего желания уехать.

— Сынок, да куда ты? — материнский голос звучит укоризненно. — Ну собрались же все! Когда еще соберемся? Твой дядя Володя из Саратовской приехал специально на твой день рождения!

— Да и предоплату ты уже внес, — подключается отец, деловито качая головой. — Деньги на ветер, что ли?

Мать хватает меня за рукав костюма:

— И вообще, что за манеры такие? Гости за столами сидят, а именинник куда-то уезжает. Неприлично это! Никуда твоя Лиля не денется.

Все начинают наперебой уговаривать, тянуть за руки, заглядывать в глаза. Как будто я — Гринч, который сейчас крадет у них Рождество.

В общем, еле удается ото всех отвязаться.

— Гуляйте без меня, — непреклонен я.

Потому что в такой ситуации праздновать какой-то там юбилей, пусть даже это тридцатилетие, — кошунство, на мой взгляд.

У меня, блин, жена сбежала! А они тут развели...

Выскакиваю на улицу, морозный воздух бьет в разгоряченное лицо. Ну вот куда Лилька сбежала в такой холод одна, скажите мне на милость?

Серебристый джип подмигивает фарами, когда жму на кнопку сигнализации. Завожу двигатель и стартую с места.

Пока еду домой, в голове проскальзывает злорадная мысль — вот не взбрыкнула бы Лилька, ехала бы домой с комфортом на машине, в тепле, под музыку. А так, наверное, в общественном транспорте тряслась, в толчее стояла, дышала чужими микробами. Ну и подделом ей. Может, за время пути хоть немного мозги на место встали.

Я дико зол на то, что жена меня вот так бросила.

При всех!

Опозорила на глазах у друзей и родственников. Что они теперь подумают? Что я дома не хозяин? Что баба мной крутит, как хочет? Что я — каблук?

По всему так и выходит. Лилия хвостиком махнула, характер показала, и я бежать за ней за тридевять земель.

Сколько я ей всего хорошего сделал, а она вот так...

Ноутбук новый ей для работы купил? Купил!

Стиралку новую, посудомоечную машину, шубу опять же, сапоги.

Да я не муж — а золото.

Жена на ровном месте устроила истерику, даже не потрудилась толком разобраться в ситуации. Да что там, даже не выслушала меня, не предположила, что у меня, вообще-то, могут быть какие-то аргументы в свою защиту. Взяла и свалила, как будто я — подтирочная бумага, а не муж.

Кто так делает вообще?

Кстати, ей в голову не приходило, что это она во всем виновата?

Кто просил приглашать эту стерлядь? Лиля, конечно, пыталась обсудить со мной список приглашенных, но у меня не было времени на такую ерунду, дал ей свободу. И, как вижу, зря дал.

Нормальная жена села бы рядом, выслушала бы мужа, дала бы объяснить. А эта... Разве сбежать втихую — выход из положения?

На адреналине влетаю в поворот на скорости — и заносит так, что чуть в отбойник не впечатываюсь. Хорошо, что дорога пустая в это время. Притормаживаю, выдыхаю, заставляю себя сбавить скорость. Не хватало еще загреметь в больницу из-за некоторых неуравновешенных особ женского пола.

Но на этом мои приключения не заканчиваются. Уже у самого подъезда чуть не растягиваюсь на наледи перед порогом. Управдом, сука, опять дорожки не посыпал. Еле удерживаюсь, схватившись за перила. Ботинки скользят по льду, как коньки.

Тихо вскипаю, пока поднимаюсь на нужный этаж.

Вставляю в замочную скважину ключ, металл противно скрипит.

Слегка напрягает то, что в квартире темно. Обычно Лилия включает свет в прихожей, когда приходит домой, и вообще вся квартира в сплошной иллюминации, бесполезно просить выключать за собой свет.

Может, спит? Хотя рановато еще.

Но я все же кричу во всю мощь своих легких:

— Лилия! Немедленно выходи сюда!

Голос эхом отражается от стен.

Так-так... Если эта мадам делает вид, что спит, чтобы избежать пилюлей, так я ж ее из-под одеяла вытащу, я... Поговорим мы с ней по душам, без свидетелей.

Включаю свет, прохожу в гостиную, заглядываю в спальню. Кровать застелена, подушки лежат ровно, все как обычно. В кухне тоже никого. Холодильник тихо гудит, на столе стоит самодельный торт явно производства моей жены. Об этом непрозрачно намекает кривая надпись: «С днем рождения, любимый!»

Очень скоро убеждаюсь, что дома Лилии точно нет и не было.

В этот момент пугаюсь по-настоящему.

Куда ее могло занести?

Сейчас на дворе начало десятого, страшно поздно для такой, как она.

Я терпеть не могу, когда Лилия не дома вечером. Аж колбасит от этого! Сразу ей сказал еще в начале отношений — восемь стукнуло, все, сразу домой. По ночам можно гулять только со мной, а то мало ли что случится. И в кафе можно только со мной, и в кино. А в продуктовый магазин можно сходить днем, как все нормальные домохозяйки.

Город нынче небезопасный, особенно для таких красивых и незащищенных девочек.

Вон сколько случаев в криминальной хронике описывается ежедневно. Одного прибили за телефон, другую изнасиловали в подъезде, третьего ограбили среди бела дня. А Лилия... Она ведь у меня такая нежная, такая хрупкая, доверчивая. Она же без меня вообще никуда! Не приспособлена жить самостоятельно, привыкла, что я обо всем забочусь.

Девочка моя наивная. Точнее, была наивная да послушная, а теперь хрен знает что в голову взбрело.

Достаю телефон, набираю ее номер. Первый гудок, второй, третий... Не берет, зараза!

Пишу в WhatsApp: «Лилия, где ты? Немедленно отвечай!»

Сообщение помечается как доставленное, но не читается. Жду минуту, две, две с половиной. Тишина.

Пробую Telegram: «Быстро отвечай! Я волнуюсь!»

Опять тишина. Но тут замечаю странное — она была онлайн две минуты назад. Значит, телефон у нее с собой, интернет работает.

Просто игнорирует меня, дрянь такая.

Перехожу в Мах, пишу: «Лилия, прекращай этот цирк! Пиши адрес, я сейчас за тобой приеду!»

И тут происходит какая-то хрень — пишу следующее сообщение, а мне выскакивает: «Не удалось отправить сообщение. Пользователь недоступен».

Что за фигня?

Возвращаюсь в WhatsApp — то же самое. В Telegram — аналогично.

И как это понимать?

ОНА МЕНЯ ЗАБЛОКИРОВАЛА?!

Причем поочередно в каждом месте, куда я писал.

Обалдеть можно. Жена меня, своего мужа, заблокировала везде, как какого-то маньяка.

К кому теперь побежала жаловаться? К маме своей? Так та живет в другом городе, до нее ехать не меньше трех часов. К подружкам? Так у нее никого нет, кроме Аньки.

Черт, надо было сразу за ней поехать, не дать уйти из ресторана.

Где она вообще?!

Глава 7. Где она вообще?

Лилия

Что такое наглость и с чем ее едят — я теперь знаю.

Мне особо некуда идти, есть только одно место, которое по праву считаю своим. Но даже если бы было куда, я все равно бы в первую очередь наведлась на свою старую квартиру.

Потому что всякому терпению приходит конец!

И бесстыжность восьмидесятого уровня должна быть наказана.

Я, может, и кажусь людям эдакой невинной овечкой Долли, вся в кудряшках и с кукольным личиком. Но я — не она.

И вторую щеку для пощечины тоже подставлять не стану.

Поэтому иду в родную квартиру, которая мне досталась от бабушки.

Я получила ее в наследство еще на втором курсе университета, это здорово выручило тогда, хотя по бабушке горюю до сих пор.

И пусть это плохонькая однушка в хрущевке, причем далеко от центра и без ремонта, но она моя. Единственное, что по-настоящему мое в этой жизни.

Выйдя замуж за Кирилла, я хотела сделать там ремонт и сдавать ее. Но он походил по моей однушке, поморщил нос так, будто я предложила ему облагородить свинарник, и сказал, что ремонт окупится в лучшем случае через несколько лет. Посоветовал сдавать без ремонта, и я сдала. Как дура.

В мою однушку въехала семейная пара с грудничком, я ежемесячно получала деньги и откладывала их в кубышку.

Но пару месяцев назад, как раз после той памятной поездки Кирилла в Сочи, квартиранты съехали. В то время ко мне постучалась Аня и долго рыдала, что сильно потратилась на какую-то там поездку, а завтра платить за квартиру, а у нее денег нет.

Попросилась пожить в моей однушке неделю до зарплаты.

Кириллу я не сказала, чтобы не злить, к тому же на деньги за аренду он никогда не претендовал. И я подумала, что ничего страшного не произойдет, если помогу подруге.

Но... прошло два месяца, а она все еще там.

Спала с моим мужем, жила в моей квартире, плакалась мне в жилетку о своих проблемах...

Может, мне еще и трусы свои ей дать поносить?!

До меня почему-то доходит только сейчас, что никакая она мне не подруга и давно ею не была.

Мы довольно хорошо дружили в школе, но все, что было в последние годы, — сплошное нытье на паршивую жизнь и бесконечные просьбы, просьбы...

Я друзьям помочь — всегда с дорогой душой.

Но когда эти друзья — коза драная, которая спала с мужем...

У меня аж подгорает изнутри от такой откровенной человеческой наглости!

О Кирилле думать не могу, слишком больно. В груди все сжимается в тугую комок, дышать становится трудно.

А вот об Ане...

Стоит только вспомнить ее наглую физиономию, и организм переполняется злостью.

Такси чуть трясет на ухабах, и меня толкает в бок. Сквозь запотевшее окно едва различаю знакомые очертания района. Слезы все катятся и катятся, размазываю по щекам тушь, когда их вытираю. Хорошо, что водитель не пристаёт с разговорами, мне сейчас точно не до него.

Когда подъезжаем к месту, выхожу на дрожащих ногах. Ветер хлещет по лицу, забивается под шубу. Щиплет глаза, и без того красные от слез.

Захожу в круглосуточный магазинчик рядом с домом, где располагается бабушкина квартира. Флуоресцентная лампа мигает над головой, отбрасывая неровный свет на полки с товарами. Пахнет чем-то кислым, затхлым — наверное, просроченной колбасой.

— Пакеты мусорные большие есть? — спрашиваю продавщицу.

Она смотрит на меня с любопытством и долей жалости — наверное, вид у меня еще тот. Глаза опухшие, тушь размазана, волосы растрепанные.

— Есть. На сто двадцать литров подойдет?

— Подойдет.

Дрожащими руками отсчитываю купюры, мелочь. Монетки звенят, одна падает на пол и катится куда-то под прилавок.

— Оставьте, — машу рукой продавщице, которая собирается нагнуться за монеткой.

Выхожу из магазина с упаковкой мусорных мешков.

Подъезд хрущевки встречает меня темнотой. Лампочка на первом этаже разбита, приходится подниматься, подсвечивая путь фонариком в телефоне. Откуда-то сверху доносятся крики — кто-то выясняет отношения на повышенных тонах.

Третий этаж. Дверь направо.

Достаю из сумочки ключи. Расстроенная донельзя, я едва попадаю в замочную скважину. Надо же, когда уже не надо, молния на сумочке сразу открылась, даже не заело ничего.

С тоской и грустью поглаживаю подарок. Красивая коробочка так и остается лежать на дне моего необъятного ридикюля. Издаю нервный смешок, вспоминая, как придумывала для мужа сюрприз. Теперь он точно не пригодится.

Открываю дверь, включаю свет и обалдеваю...

Ну и бардак же тут!

Хаос начинается еще в прихожей. На полу валяются туфли на каблуках — одна здесь, другая у самого порога. Пальто брошено прямо на пол, рядом с ним — черные колготки с затяжками.

В комнате еще хуже: немытые тарелки на столе, журналы разбросаны по дивану, на котором валяется халат, трусы и бюстгальтер. На подоконнике стоят бутылки из-под колы, а рядом — недоеденный бутерброд, который давно засох.

Раздеваюсь и, не разуваясь, прохожу в квартиру. Каблуки стучат по линолеуму.

Что ж, пора выкинуть мусор.

Вскрываю пачку с мусорными мешками, разворачиваю один и, не раздумывая, швыряю туда все вещи Ани, какие только вижу. Сгребая с туалетного столика косметику — тушь, помада, какие-то кремы в баночках. Одежду с дивана и из шкафа — джинсы, кофточки, то самое черное платье, которое она одолжила у меня и не отдала. Туфли, сапоги, тапочки — все в мешок.

Тружусь не покладая рук, даже не отвлекаюсь на то, чтобы вытереть слезы.

Мешок быстро наполняется, приходится взять второй.

В ванной хватаю ее зубную щетку, шампунь, какие-то скляночки. Даже полотенце ее — розовое, махровое — отправляю туда же.

И вот за этим занятием меня застает звук открывающейся двери и визг подруги:

— Лиля, ты что тут делаешь?

Поворачиваюсь. Аня стоит в дверном проеме, бледная, с растерянным лицом и слипшимися волосами.

Действительно... Что это я делаю в собственной квартире?

Глава 8. Ключки по закоулочкам

Лилия

Не выпуская мусорного мешка из рук, я выпрямляюсь и делаю шаг в сторону Ани. Шелест полиэтилена в тишине квартиры звучит зловеще.

Аня пятится из ванной обратно в прихожую, и я вижу, как ее зрачки расширяются от испуга.

Хорошо. Пусть боится. Пусть наконец-то почувствует последствия своего поступка.

— Лиль, я... — начинает Аня.

По лицу подруги скользит до боли знакомое выражение. Тут все скопом: и круглые глаза а-ля пожалейте меня немедленно, и поджатые губы а-ля сейчас расплачусь. Даже дрожь в голосе она имитирует просто прекрасно — мастер своего дела, блин. А я — лохушка, которая велась на все это годами.

— Лиль, я не хотела вот так, но...

— Но хотела! — прерываю ее не пойми откуда взявшимся у меня твердым голосом. — Потому что, если бы не хотела, не сделала бы.

Аня моргает часто-часто, и я вижу, как по ее щеке стекает слезинка. Раньше при виде Анькиных слез я бы сразу растаяла, бросилась утешать. А сейчас... Сейчас мне хочется ее пристукнуть.

— Лиль, ты не понимаешь, я его люблю! — выдыхает она с отчаянием.

Услышать это из уст подруги, которой доверяла все свои секреты, делилась подробностями личной жизни, — больно. На секунду мне становится трудно дышать.

Я сокровенным делилась, а она улыбалась, трескала испеченные мной пирожные, а в душе желала мне сдохнуть? Ведь это должно было быть невыносимо для нее — сидеть и слушать рассказы про мужика, с которым она сама хотела быть.

— Ань, — говорю я медленно, четко выговаривая каждое слово, — с каких пор любовь, какая бы она ни была, дает право на подлость? То, что ты совершила, — подлость, причем хорошо спланированная.

— Ты не понимаешь... — шепчет Аня все с той же дрожью в голосе. — Он... Он... Набрислся на меня! Натурально силой взял... Я не хотела, не собиралась с ним...

Не верю.

Вот не верю, и все тут.

Ни одному ее паршивому слову.

— Нормальную ты себе отмазку придумала, — усмехаюсь я с горечью. — Я не я, он сам, а потом я как приперлась на день рождения к собственному насильнику, как давай ему совать в руки подарок с тестом с двумя полосочками. Его жена-клуша хорошую идею подала. Тебе самой не смешно, Ань?

Ее лицо краснеет, потом бледнеет.

— Нет, — отвечает она с запинкой. — Знаешь, мне совсем не смешно! Я беременна, и мне некуда идти, так что вообще не до смеха...

А вот в это верю. И в ноты отчаяния в голосе — тоже. И в панику, которая сейчас написана у нее на лице крупными буквами.

Вот только мне ее больше не жалко от слова «совсем».

— Стесняюсь спросить, — произношу я нарочито спокойным голосом, — почему меня должно это волновать? Я тоже беременна и с мужем развожусь, переезжаю в свою же квартиру, а где ты будешь жить — твои проблемы. Можешь к Кирюше попроситься, авось пустит на коврик поспать...

От моих слов Аня вздрагивает, будто я ее ударила.

— К нему сейчас нельзя, он злой на меня... — бормочет она. — Лиль, ну неужели ты меня вот так выкинешь на улицу? Правду говорят, настоящих подруг не бывает...

Это факт, подруг настоящих нет. По крайней мере, у меня.

И мне искренне непонятно, как у Аньки вообще хватает наглости отстаивать возможность проживания на моей жилплощади. После всего, что произошло! Я ведь ей сегодня утром признавалась в беременности и готовила подарок для мужа. А она мало того, что с ним спала, так еще и идею с подарком слямзила.

В ее глазах как по команде появляются слезы.

— Лиль, ну мне правда сейчас некуда, давай хоть через недельку... — всхлипывает она. — Будь человеком!

Звук капающего где-то крана отмеряет секунды. Кап-кап-кап...

Время идет, а я все стою и смотрю на эту... на эту...

Мне много чего есть ей сказать, но я не считаю нужным это делать. Все равно не поймет.

На вытянутой руке бросаю на пол мешок. Полиэтилен шуршит, ударившись об пол.

Каменным тоном произношу:

— Я тут тебе немного помогла с вещами, но еще не все успела собрать. Бери оставшиеся мешки, складывай вещи и выметайся.

— Лиль, ты не слышала меня? — Голос Ани становится жалобным, почти детским. — Я ж говорю, некуда, беременная я...

— Ты правда думаешь, — медленно произношу я, — что можешь спать с моим мужем, жить в моей квартире, и я вот это так проглочу?

Повисает тишина. Даже капающий кран и тот в обмороке от ее наглости.

— Лиль, но все не так было... — лепечет Аня. — Я ж не специально!

И тут меня прорывает:

— Даже слушать не хочу! Складывай все и уматывай. За пять минут справишься? Все, что не успеешь забрать, я выкину в окно.

Аня выпрямляется, и в ее глазах вспыхивает злость. Наконец-то сбросила маску!

— Это с какой такой радости? А ничего, что во всех моих бедах виновата ты?

Охренеть она вывернула ситуацию.

— А ты не обалдела вкрай меня во всем обвинять? — откровенно злюсь. — Я, что ли, тебя под своего мужа подкладывала? Или заставляла работать на уродской работе, где зарплата три копейки, что ты за квартиру платить не можешь? В чем еще я, по-твоему, виновата, ты дрянь такая!

— Во-о-от, полилось говно по трубам... — усмехается Аня с сарказмом. — А ничего, что изначально именно ты украла у меня Кирилла? Я всего лишь вернула должок...

Ага. Вот оно. Вот как она на самом деле видит ситуацию.

Еще в ресторане я смекнула, что мой муж, должно быть, и был тем самым МЧ, в которого Анька была безответно влюблена год назад.

И сейчас она только подтверждает это своими словами:

— Он, как только с тобой познакомился, и думать про меня забыл! Я, можно сказать, из-за тебя ребенка потеряла год назад, из-за нервов проклятых...

Вечно она норовит ввинтить свой выкидыш как главный козырь, благодаря которому ее надо жалеть. Вот только во мне она не нашла благодарного зрителя.

— Поправочка, — холодно говорю я, — выкидыш у тебя случился до того, как я познакомилась с Кириллом!

— Но бросил-то он меня после вашего знакомства! — вскипает Аня. — Знаешь, как он по-козлятски себя со мной повел? Вывернул всю душу наизнанку! Бросил, как котенка, выгнал...

— Во-первых, вы не жили вместе, — отчеканиваю я. — Ты тогда в общежитии обитала, помнишь? Во-вторых, что ж ты его так стремишься вернуть, раз он такой козел? В семью мою влезла грязными сапогами...

Аня фыркает, и на ее лице появляется выражение, которого я раньше никогда не видела: злое, хищное.

— Изначально это был мой мужчина! Мой! — кричит она. — Так что я у тебя ничего не краду, свое пытаюсь забрать!

Воздух в ванной комнате будто сгустился.

— Если уж на то пошло, — говорю я медленно, — могла сразу сказать, что это с ним у тебя был роман, я бы тогда не стала с ним встречаться. Но ты промолчала! Предпочла тихо ненавидеть меня и делать вид, что мы до сих пор подруги, а потом — нож в спину...

Анькино лицо кривится в усмешке.

— Тю... Ты разве послушала бы меня?

— Я бы никогда не стала встречаться с парнем подруги, — твердо отвечаю. — Это наше с тобой основное отличие.

Тишина.

Потом Аня хмыкает:

— Типа ты вся такая белая и пушистая, а я — отбросы? А вот поди ж ты, гульнул твой Кирюша именно со мной! Потому что я в постели буду получше некоторых...

Все. Приехали.

— Вот и вали к своему Кирюше, и делайте с ним что хотите! — ору я. — Пять минут, Аня!

Но она даже не двигается. Стоит, скрестив руки на груди, и смотрит на меня с вызовом.

— С места не сдвинусь... Вообще-то, по-человечески, ты обязана предупреждать квартирьщика за две недели, так что...

Ах, она еще и права качает.

— А ты мне что, деньги платила за эту квартиру? — спрашиваю ядовито.

Аня пожимает плечами:

— Еще за такую халупу платить... Ну ты вообще зарвалась, Лилька!

И тут во мне вскипает такая злость, что я перехватываю покрепче мешок с Анькиным барахлом, замахиваюсь и со всей дури луплю ее им же по башке.

Глухой удар.

Аня ойкает.

Мешок рвется, полиэтилен с треском расходится по шву. Вскоре Анькины вещи оказываются раскиданными по всей ванной — тушь катится по полу, помада где-то под ванной, трусики повисли на смесителе.

— Истеричка! — вопит Аня, потирая ушибленное плечо.

— Пошла вон отсюда! — ору я в ответ.

Хватаю первое, что попадает под руку, — а именно швабру. Старую, советскую, оставшуюся от бабушки. Древко потертое, но крепкое. И со шваброй наперевес гоню бывшую подружку вон из квартиры.

Аня пятится, спотыкается о собственные разбросанные шмотки:

— Сумасшедшая! Психичка!

— Да, я такая, бойся меня! — рычу я, размахивая шваброй.

С этими словами выпихиваю ее за порог и закрываю дверь. Щелчок замка звучит, как фанфары.

Анька скребется в дверь ногтями, ноет:

— Дай хоть вещи нормально собрать!

— У тебя был шанс... — бросаю я через дверь.

Но все же возвращаюсь к многострадальным вещам. Меня потряхивает от адреналина, но я методично складываю все в мусорные пакеты.

Выволакиваю их на лестничную клетку, где под светом тусклой лампочки рыдает Анька.

Она подбирает пожитки и плетется с ними вниз по ступенькам. При этом очень картинно всхлипывает, может надеется, что кто-то из соседей выйдет и пожалеет бедную обиженную девочку.

А я теперь искренне не понимаю, как вообще могла с ней дружить.

Возвращаюсь в квартиру и прислоняюсь спиной к двери.

Тишина. Наконец-то тишина.

Свобода от лживых подруг, от предательства, от необходимости быть хорошей девочкой.

И знаете что? Мне нравится.

Я бы даже насладились моментом на полную катушку, но уже через пару минут в дверь звонят.

Смотрю в глазок, ожидаю увидеть Аньку.

Но там Кирилл...

Быстренько выключаю свет и играю в вымирание.

Потому что с ним-то у меня разговаривать нет никаких душевных сил.

Глава 9. Все объясню!

Лилия

Замираю на месте, практически не дышу.

В горле пересохло, а ладони вспотели от нервного напряжения.

Жду, когда Кирилл уберется куда подальше. Подумает, что тут никого, и уйдет.

Но где там! Муж с упорством, достойным лучшего применения, продолжает звонить в дверь.

Дин-дон! Дин-дон! Секундочка тишины, и снова это противное «дзынь» режет уши.

Вскоре вдобавок к этому он начинает стучать.

Стучит и стучит... Стучит и стучит! Дятел, не иначе.

Какой же настырный тип!

Не могу больше этого выносить. Каждый звук отдается в висках пульсирующей болью.

Сама не зная зачем, встаю на цыпочки и собираюсь укрыться в комнате. Авось там звук будет не такой громкий. Открывать я все равно не собираюсь, хоть убейся!

И тут слышу бас мужа из-за двери, властный и полный негодования:

— Лиля, прятаться бесполезно! Я встретил на улице Аньку, она сдала тебя с потрохами. Я точно знаю, что ты здесь. Открывай, иначе хуже будет!

Что хуже будет? У кого хуже будет? У меня вот, например, все и так максимально плохо. Муж изменщик, подруга предательница, крыша над головой шаткая...

Понимаю, глупо отсиживаться, дальше делать вид, что меня тут нет.

Но упорно продолжаю молчать в тряпочку в слепой надежде, что все-таки уйдет. Надоест же ему когда-нибудь стоять под дверью?

Как он вообще допер сюда заявиться? Я ведь не говорила ему, что квартиранты съехали. А к ним как снег на голову я бы точно не рискнула явиться, тем более выставять на ночь глядя с дитем, чтобы поселиться тут самой.

Внезапно мою голову прошивает мысль, от которой становится дурно: что если Кирилл изначально сюда вовсе не за мной шел? Что если к Аньке? Ведь если они встречались за моей спиной, то она вполне могла водить его сюда. Может, у них тут целые романтические свидания происходили, пока я дома ему ужины наготавливала? Сколько раз он задерживался на работе, сколько ездил в командировки... А была ли та работа вообще?

Стоит только подумать об этом, как мой желудок скручивает тугим жгутом. От подобных вариантов развития событий хочется пообниматься с белым другом — унитазом то есть.

Но не успеваю сделать и шага в сторону ванной, как в замочной скважине раздается металлический скрежет поворота ключа.

Как так-то?! Откуда у него ключи?!

Это Анька ему дала? Так ведь нет — вон ее ключи, висят на гвоздике возле зеркала, где и положено... Она сама их повесила, когда заходила, а забрать связку я ей не позволила.

Тогда где он их взял? Сделал дубликат, чтобы проще было наведываться к любовнице?! Планировал заранее тайные свидания?

Как в замедленной съемке, с нарастающим ужасом наблюдаю, как двигается ручка двери, и она с тихим щелчком отворяется.

В дверном проеме появляется Кирилл. Он выглядит неважно — слегка помят, пальто расстегнуто, волосы растрепаны. Но глаза... глаза горят решительностью.

Я инстинктивно бросаюсь к двери, пытаюсь ее захлопнуть, упираюсь всем телом в створку:

— Не смей! Не смей сюда входить! Я тебе не разрешала!

Кирилл деликатно, но твердо отодвигает меня в сторону, ведь силищи в нем немало.

Наглым образом проходит в прихожую, захлопывает за собой дверь и оборачивается ко мне с таким видом, будто ничего особенного не произошло.

— Скотина ты, Кирилл! — выпаливаю я, чувствуя, что срываюсь на визг. — Слышишь? Скотина!

Он даже не моргает. Спокойно снимает пальто, вешает на крючок, словно в собственной квартире.

— Так... — протягивает он, равнодушно оглядывая разгромленную прихожую. — Я вижу, истерия еще не прошла. Ну давай, выдавай, что там у тебя есть, выплескивай, я жду. Только знай, что потом наступит моя очередь.

Я пчусь, буравя его испуганно-недоуменным взглядом. Спиной чувствую холодную стену — деваться некуда. На меня потихоньку накатывает паника.

Зато муж выглядит на удивление спокойно, так, будто давно проиграл в голове все возможные варианты развития событий, мои фразы, свои ответы. И все это ему порядком наскучило. Словно надоевший спектакль, который он вынужден досматривать.

— Я тебя сюда не приглашала! — выкрикиваю, пытаюсь придать голосу твердости. — Если немедленно не уйдешь, я... я... Я полицию вызову! Вот прямо сейчас им позвоню...

Показываю ему телефон, но Кирилл даже не пытается его отобрать.

Любой нормальный человек насторожился бы на его месте. Но то нормальные люди, а это Кирилл.

Он лишь нагло улыбается — эта знакомая кривая ухмылочка, от которой у меня всегда нервная почесуха, — и говорит с издевательским спокойствием:

— Хочу напомнить, что мы с тобой муж и жена. А на семейные разборки, тем более без мордобоя, они не приезжают. Так что поумерь пыл. Не забыла, что мы с тобой официально женаты?

— Я-то помню, что мы женаты! — огрызаюсь, чувствуя, как слезы подступают к глазам. — А вот ты, похоже, забыл об этом, когда спал с моей подругой! Когда ты вообще собирался мне сказать, что до меня встречался с Анькой? Никогда? Это ведь так удобно — жена под боком, бывшая невеста — тоже... Хочешь с той спишь, хочешь с другой... Ну красота же!

В ответ на свои слова я жду от него очередного эмоционального взрыва, который сметет все на своем пути. Возмущений, ругани, обвинений — всего привычного набора.

Но Кирилл лишь тяжело вздыхает, проводит рукой по лицу:

— Давай спокойно поговорим, я все объясню.

В его голосе слышится дикая усталость, будто он несет неподъемную ношу. И почему-то от этого мне становится только хуже.

Шмыгаю носом, четко понимая, что разговора все равно не избежать. Слишком много накопилось, чтобы держать это внутри.

Я молча киваю в сторону кухни.

На ватных ногах прохожу туда, чувствуя его тяжелый взгляд на затылке. Усаживаюсь за пустой стол на жесткую табуретку — та неприятно скрипит под моим весом.

Кирилл следует за мной.

С недовольным видом оглядывает оставленный Анькой бардак — крошки на полу, немытые тарелки в раковине. Морщит нос, но ничего не комментирует.

Муж усаживается напротив, упирает локти в стол и выжидательно на меня смотрит.

— Ну? — Складываю руки на груди. — Давай объясняй, как же так вышло, что моя подруга дарит тебе на день рождения положительный тест на беременность? Мне прям интересно, как это вообще можно объяснить?

Кирилл еще некоторое время молчит, продолжая буравить меня взглядом. Постукивает пальцами по столу — тук-тук-тук, нервный ритм.

— Начнем с того, — наконец произносит он, взвешивая каждое слово, — что никакая она тебе не подруга.

П-ф-ф, удивил так удивил! Эту информацию я уже худо-бедно усвоила за сегодняшний вечер.

Вспоминаю весь тот ушат помоев, который Анька вылила на меня год назад, рассказывая, как ужасно с ней поступил любимый человек. Как она страдала и мучилась, как он был с ней жесток и бессердечен. Тогда она рыдала у меня на плече, размазывая тушь по щекам, а я гладила ее по голове и успокаивала...

Вот только я и подумать не могла, что это она о моем Кирилле!

Ведь со мной-то он жесток не был — так, бурчал иногда, пытался ставить жесткие рамки, но не более того. Контролировал, да, но не унижал.

Теперь же я понимаю, что ни подругу не знала как человека, ни даже собственного мужа. Жила в каком-то розовом мыльном пузыре.

Мне много хочется ему сказать, о многом спросить. Например — как он мог так двулично себя вести? Любил ли меня вообще? Кто я для него? Мы ведь с ним планомерно делали ребенка, пока он с Анькой...

Но с моих губ слетает совсем не это.

— Почему ты мне не сказал, что встречался с Аней еще до меня?

Кирилл выпрямляется, снова барабанит пальцами по столу и наконец отвечает:

— Я много раз пытался открыть тебе глаза на то, что из себя представляет эта дрянь. Но ты ведь не слушала никогда, тайком с ней встречалась, деньги занимала. Я ведь в курсе всех твоих трат.

От его слов по спине пробегает неприятный холодок.

— Это каким же это образом ты в курсе моих трат? Ты следишь за моим счетом?

— Помнишь, месяц назад ты попросила меня установить тебе все приложения на новый телефон? — усмехается он. — Сама сказала свой ПИН-код.

— И ты залез в мой банковский аккаунт? — Не верю собственным ушам.

— Ты сама виновата, нельзя везде ставить одинаковый ПИН-код, Лиль. Да, залез, чутка полистал. — Он пожимает плечами с таким видом, будто речь идет о чем-то само собой разумеющемся. — Не вижу в этом ничего плохого, потому что ты моя жена.

Кто бы знал, как меня бесит такое его поведение. Лазил везде, вынюхивал, контролировал, гад! Но как ловко он уходит от ответа, переводит стрелки.

Я — идиотка, которая дружила с коброй, а он-то вообще с ней спал!

— Но почему ты мне не сказал с самого начала, что встречался с моей подругой до женитьбы? — упрямо выпытываю ответ. — Вы же ребенка чуть не сделали еще год назад! Зачем эти тайны, чтобы ты дальше мог с ней спокойно спать, так получается?

Кирилл тяжело вздыхает, проводит ладонью по лицу:

— Ну и выводы у тебя... Но на самом деле все просто. Я знал, что будет, если выпущу этого джинна из бутылки. Но начнем с начала — когда мы с тобой познакомились, я и сам не знал, что ты ее подруга. Анька никогда не была моей девушкой в полном смысле этого слова. Я с ней спал, да, но на этом все. И однажды она заявила, что застела. Я в любом случае не собирался на ней жениться и выдохнул с облегчением, когда она потеряла ребенка. Потом познакомился с тобой, и...

— Ты врал мне всю нашу совместную жизнь! — Сжимаю кулаки.

— Не бросайся громкими словами, Лиль. — В его голосе появляются привычные командные нотки. — Когда я понял, что вы подруги, настоятельно порекомендовал Аньке держать язык за зубами. Потому что не хотел, чтобы она лила тебе в уши гадости про меня. Стала бы ты со мной встречаться, если бы знала, что я бросил твою подругу после выкидыша? Ни хрена бы

не стала. Особенно если учесть, как эту историю могла тебе преподнести эта сука... Я решил не рисковать, вот и все. Пытался минимизировать ваше общение.

— Лучше бы ты свое с ней общение минимизировал! — выкрикиваю на эмоциях.

— Я не общался с ней, — холодно отвечает он. — Аня мне глубоко неприятна.

— Но это не мешало тебе с ней спать все это время! — возмущаюсь я. — Ты... ты...

— Это было всего раз, в поездке. Два месяца назад. Случайно. — Он говорит это таким равнодушным тоном, словно речь идет о погоде. — Не повторялось и не повторится. Все, успокоилась?

— Я не верю тебе! — Слезы наконец прорываются наружу. — Мы с тобой ребенка год делали... Год! А тут ты с ней разок туда-сюда, и готовый положительный тест?

В этот момент я прикусываю язык так сильно, что становится больно. Сама себя сдала с потрохами про беременность!

Не то чтобы я собиралась держать это в секрете до конца своих дней, однако сейчас говорить уж точно не собиралась. Не в таких обстоятельствах.

Но...

Кирилл, кажется, не понял того, что я только что проболталась. Или делает вид, что не понял.

Он смотрит на меня скучающим взглядом и говорит:

— Я отведу ее к гинекологу, выясню, беременна ли на самом деле. Если так, то сделает аборт. Тебя эта ситуация никак не коснется. Ты мне родишь своего, и мы будем его спокойно воспитывать. А теперь, когда все обсудили, поехали домой. Поздно уже, мне завтра на работу.

Ему даже не жаль.

Он не подумал даже попытаться извиниться.

Ну конечно, чего время терять на всякие там извинения? Уже ж ведь поздно, его величеству завтра на работу...

— Мы еще даже не начали ничего обсуждать! — Смотрю на него возмущенно.

— Лиля, я устал. — Кирилл поднимается с табуретки. — У меня был сложный день и не менее сложный вечер. Поэтому хватит выживать. Ты сейчас успокоишься, прикусишь язык, включишь мозг и наконец сообразишь, что в случае нашего разрыва теряешь конкретно ты. А потом поднимешь свою задницу и пойдешь со мной. Я забираю тебя домой, и на этом точка.

— Я не вернусь домой! — кричу я, тоже вскакивая.

Наконец с его лица слетает скучающее выражение. Глаза становятся жесткими, а цветом почти кобальтовыми в слабом освещении кухни. Он делает шаг ко мне, и я инстинктивно отшатываюсь.

— По-моему, я тебя нехило так избаловал, — рычит он низким голосом. — Лиля, на тебе то, Лиля, на тебе се... Вот тебе ПИН-код от моей карты... Охренела малость. Я говорю последний раз — развернулась и пошла на выход!

— Это ты охренел! — отвечаю я, не отступая. — Ты изменяешь мне и еще смеешь на меня орать, права качать... Я не поеду с тобой никуда!

Его лицо искажается злостью.

— По-моему, кому-то пора преподать урок, — произносит он медленно, злое. — Хочешь быть гордой и независимой... Что ж, хорошо. Поживи немного сама в этих барских хоромах, прочувствуй... А когда наживешься, я жду тебя дома с извинениями.

Он с пренебрежением оглядывает плохонько обставленную кухню — облупившиеся обои, подтеки на потолке, допотопную плиту. Буравит меня взглядом еще несколько секунд, поворачивается и неторопливо выходит из кухни.

Слышу, как он берет пальто в прихожей, как щелкает дверной замок.

И снова тишина.

А теперь вопрос всех вопросов.

Как я умудрилась так неудачно вляпаться замуж?

Глава 10. Замок

Лилия

Дядя Саша сноровисто закручивает последний болт в дверной коробке, проверяет, как ходит новая личинка замка. Пальцы у него удивительно ловкие для семидесятилетнего мужчины — крепкие, жилистые, с мозолями от многолетней работы слесарем.

— Вот и готово, — удовлетворенно произносит он, несколько раз провернув ключ туда-сюда. — Замок как новенький, надежный. Эта дверь еще лет двадцать прослужит, хоть и выдававшая виды.

Дверь действительно старенькая, потрепанная — краска местами облупилась, на деревянном полотне кое-где царапины. Но уж какая есть.

— Спасибо, дядь Саш, очень выручили! — говорю я.

— Не за что, дочка, пользуйся на здоровье, — отмахивается он, складывая инструменты в потертую кожаную сумку.

— Как это не за что, пришли на ночь глядя, даже замок свой принесли. Я вам очень благодарна... — говорю с чувством.

Дядя Саша поднимает на меня взгляд.

— Хорошему человеку отчего ж не помочь? А замков у меня уйма, так ведь не работаю слесарем уже почти пять лет, без надобности валяются в кладовке. Разве сложно личинку соседке сменить? Я внучке Клавдии Ильиничны завсегда помочь готов. Душевная была женщина, земля ей пухом... Ну, бывай, доченька.

С этими словами он забирает инструмент, кряхтя, поднимает сумку и неторопливо шаркает к лестнице.

А я наконец-то остаюсь одна в квартире, куда больше никто без моего разрешения не проберется. Поворачиваю ключ, слушаю, как четко щелкают механизмы. Теперь я в безопасности. По крайней мере, физически.

Бабушка, бабушка...

Даже спустя год после кончины она мне помогает. Хотя бы тем, что оставила после себя добрую память и соседи до сих пор вспоминают ее с теплотой. Даже стремятся помочь ее внучке. Вон дядя Саша сразу пришел на зов.

Да и квартира эта...

Ума не приложу, куда бы я шла, не будь ее у меня. Гостиница? Я что, миллионерша? Совсем нет, хотя есть свой стабильный, пусть и небольшой доход, ведь работаю на удаленке не первый год.

Есть, конечно же, мама, но она далеко. И к тому же...

Ох, все-таки мне придется ей как-то сказать, что у меня в личной жизни глобальные перемены. Так и слышу в голове ее зудящий назидательный голос:

«А я говорила тебе, что он — ненадежный товарищ!»

«Я говорила, что ты с ним еще хлебнешь горяшка...»

«Я говорила, что парни с такой смазливой внешностью не бывают верными. Муж должен быть чуть красивше обезьяны!»

Мама вообще любит повторять «Я говорила», особенно когда ее мрачные предсказания сбываются. Она это обожает — читать мораль и тыкать носом в ошибки.

Но, честно говоря, я сама себя сейчас осуждаю за глупость.

Как я могла не заметить, каков Кирилл на самом деле? Как могла закрывать глаза на его явные грубости, на то, как он разговаривает со мной, будто с прислугой?

Он даже чуточку себя виноватым не чувствует за измену, это очевидно по его поведению. Ни тени раскаяния, ни попытки оправдаться — только раздражение от того, что его посмели не послушать.

У него все в порядке, все как надо. Домой укатил, завтра собирается на работу.

Будто наш брак для него — вообще малозначимая вещь!

А вот я... У меня из груди сердце выдрали, да потом еще и растоптали.

Самое обидное — случилось это именно тогда, когда во мне зародилась новая жизнь. О которой, хочешь не хочешь, придется ему сказать. Не знаю, правда, как.

А как он смотрел на бабушкину квартиру...

Будто тут клоповник, не иначе. Губы поджал, нос сморщил — господин привык к современному ремонту и дизайнерской мебели.

Ну да, не всем повезло заработать на квартиру, как у него. Я со своей зарплатой могу разве что на хлеб с маслом рассчитывать.

Но не так уж и плоха эта квартира, в конце концов.

Не сейчас, конечно, а вообще...

Сейчас тут, правда, полная попа, и я иду эту попу устранять.

Чтобы чем-то занять руки и дать отдых взбудораженным мозгам, решаю заняться уборкой.

На кухне в раковине горой лежит грязная посуда — тарелки с засохшими остатками еды, чашки с заплесневевшим чаем, сковородка, в которой что-то пригорело. Запах стоит соответствующий.

Анька, видимо, вообще по дому ничего не делала, сучка. Не ее же, зачем стараться?

Моющего средства, конечно, нет, но в шкафчике под мойкой обнаруживаю целый арсенал чистящих принадлежностей — порошки, гели, губки. Я сама их покупала два месяца назад, когда собиралась сдавать квартиру в аренду. Похоже, Анька почти ничем не воспользовалась — стоит нетронутое.

И закипела уборка полным ходом.

Мою посуду, вытираю насухо, расставляю по местам. Собираю с пола мусор. Пылесоса нет, приходится подметать старым веником. Протираю пыль влажной тряпкой, мою полы. Раскладываю вещи по местам.

Постепенно квартира преображается.

Исчезают неприятные запахи, появляется ощущение жилого пространства. Руки заняты механической работой, и это успокаивает — не нужно думать ни о Кирилле, ни об Аньке, ни о том кошмаре, который сегодня произошел.

Через три часа в квартире уже можно спокойно дышать.

Потягиваюсь, осматривая плоды своего труда. Спина болит, руки красные от горячей воды и химии, но на душе стало легче. Есть что-то терапевтическое в физическом труде — вымыл, прибрал, и сразу чувствуешь, что хоть что-то в жизни под контролем.

Теперь спать.

Завтра предстоит важный день.

Первым делом визит к гинекологу. Нужно убедиться, что с ребенком все нормально, а то как-то неприятно тянет низ живота.

А потом... Поеду забирать вещи из квартиры Кирилла. Надо успеть это сделать до того, как он вернется с работы.

Не дай бог его там встретить.

Пусть вернется домой, а моих вещей уже нет.

Может, хоть тогда поймет, как низко себя повел...

Глава 11. Подарок

Кирилл

Сегодня, наверное впервые, я не смог досидеть до конца рабочего дня.

Как последний debil, сорвался, поехал в цветочный, купил этот гигантский веник из красных и белых роз.

Сижу теперь в машине у дома, гадаю, как сейчас будет правильнее себя повести.

Зайду домой, переоденусь, приведу себя в порядок после нервного рабочего утра, а потом с цветами поручу к жене...

И тем самым распишусь в том, что я — гребаный каблук?

Вот до чего она меня довела своим молчаливым бойкотом.

Я ведь, как последний олень, ждал вчера полночи в машине у ее подъезда. Думал, видит мою тачку, понимает, что сижу там, ее, дуру, жду.

Но она даже в окно ни разу не выглянула.

И не разблокировала меня!

Так и покатил домой, чувствуя себя последним дерьмом.

Теперь поостыв, понимаю, что, наверное, требовать от нее извинений было перебором.

Ведь гордая птица, может из-за этого и не позвонила мне до сих пор.

Брошенные мной в гнев слова отыгрываются сейчас далеко не лучшим образом.

Но я совершенно точно не собираюсь лишаться жены из-за всей этой хрени...

Придется извиняться самому, хотя я еще ни разу в жизни такого не делал.

Впрочем, именно с Лилькой у меня многое произошло в первый раз.

Первое в жизни искреннее признание в любви, когда уверен, что девушка достойная.

Первое предложение.

Свадьба.

Я ведь раньше никогда и не жил с девушкой столько времени. Меня обычно хватало на пару недель — ну месяц.

А тут...

Увидел ее наивные карие глазищи и пропал. Мне только с ней хотелось общаться, только с ней быть. И все прошло легко, стадии наших отношений менялись одна за другой с космической скоростью. Вот мы вместе ходим по кино, вот она впервые у меня дома, вот я забираю ее к себе с вещами...

Кадры нашей жизни калейдоскопом сменяются в голове.

Главное — с ней оказалось комфортно жить, мне было очень кайфово от того, что она каждый вечер ждала меня дома. Кайфово с ней спать, строить планы на будущее.

Все это терять из-за придурковатой Аньки?

Нет уж, проще засунуть гордость в жопу и самому идти извиняться.

С почином меня, как говорится.

Ситуация глупая до дрожи.

Если бы я вправду чувствовал себя виноватым — извинился бы, не вопрос. Но я ж ни хрена не виноват в этой ситуации!

Как было дело: мы с парнями устроили мальчишник, и один из друзей таки привел эту Аню в компанию. Типа землячку в Сочи встретил, отчего б ее не пригласить. Хотя четко договаривались — без баб!

Вечеринка была бурная, тут не спорю. Но я Аньку в тот вечер показательно игнорировал... Зато наутро как-то так случилось, что проснулся голый с ней под одним одеялом, а на

прикроватной тумбе два синих квадратика — обертки от презервативов, разорванные. И эта стерлядь губехи свои к моему хозяйству тянет.

Я ее чуть ли не силком от себя оттащил, понесся в душ смывать с себя всю эту грязь. Потом сразу же уехал домой к Лиле и больше с друзьями мужской компанией не собирался.

Так ли велик мой грех?

Оно, считай, не по моей воле вышло.

Кстати, памятуя про те самые упаковки от резинок, я четко могу сказать: если эта дрянь от кого и беременна, то точно не от меня. Если только не впихнула в себя содержимое презиков. А она могла, к сожалению. Так что тут сплошные вопросы.

Не стоило мне без Лили куда-то ехать...

И вчера не стоило на нее так наезжать.

Надо извиняться.

Приняв решение, я уже хватаюсь за ручку двери, чтобы наконец подняться домой и привести себя в божеский вид. Но... Тут же отдергиваю руку.

Наблюдаю преинтереснейшую картину: моя драгоценная, до неприличия гордая супруга, которая вчера послала меня куда подальше, чешет домой.

Идет медленно, вся такая задумчивая, то и дело высматривает что-то в листке формата А4, кусает губу.

Речь она на этом листке для меня написала, что ли?

Сердце ухает, когда она подходит к подъезду, исчезает внутри.

Все, вернулась, родная, домой.

Ага!

С чистой совестью могу себя поздравить.

Сработало мое кунг-фу!

Поняла, дурочка, чего лишится, если дальше будет продолжать свою забастовку. Небось, переночевала в том сарае, и сразу захотелось домой, в комфорт, к мужу...

Сейчас предстоит важный момент — главное, дать ей прочувствовать всю степень осознания. Чтобы впредь больше не думала никуда от меня бегать.

Оглядываюсь на букет цветов.

Нет, сейчас дарить не буду.

Вечером подарю!

Вот поговорю с ней по душам, объясню, как она некорректно себя повела, выслушаю ее извинения. Она же с ними пришла, так? Дам понять, кто в доме хозяин. Полюблю пару раз... Тогда уж можно и цветы.

Не захожу сразу домой, жду.

Пусть она разденется, чуть пообвыкнется дома, оценит, как там хорошо и комфортно. Может, даже готовить что-то начнет. Тогда и появлюсь.

А домой тянет аж звездеч...

Минуты тянутся, как часы. Хочу к Лильке так, что вибрируют уши. Еле уговариваю себя держаться намеченной тактики. Главное — зайти с безразличным видом, поинтересоваться вскользь, каким ветром ее занесло домой, раз она от меня типа ушла. Потом вкрадчиво растолковать по всем пунктам, как себя можно вести, как нельзя.

Мысленно расписываю наш диалог, прокручиваю в уме фразы, какие ей скажу. Я всегда так делаю перед важными встречами или совещаниями. Работает на ура, ведь главное — это стратегия, подготовка.

Все же дольше пятнадцати минут я не выдерживаю.

Бросаю финальный взгляд на цветы, даже руку к ним тяну... Жалко будет, если увянут. Но все-таки не беру, ибо я мужик, кремень.

Выхожу из машины в приподнятом настроении.

Воздух свежий, прохладный — как раз то, что нужно, чтобы проветрить мозги.

Поднимаюсь на лифте на нужный этаж, слушаю знакомое урчание механизма. В зеркале кабины приглаживаю волосы — представляю, как буду принимать извинения.

Некоторое время репетирую перед дверью равнодушное выражение лица. Расправляю плечи, делаю серьезную мину. Главное — не показать, как я соскучился по этой выдре и как мне хочется ее обнять. Пусть думает, что мне было фиолетово на ее побег.

Достаю ключи, открываю замок.

Захожу в прихожую и...

Офигеваю от увиденного.

Тут куча коробок с обувью. Лилька аккуратно уложила их в два больших пакета. Туфли, кроссовки, сапоги.

Что за хрень тут происходит?

Прохожу в гостиную, слышу возню в спальне — шуршание пакетов, скрип шкафа, топот.

Замираю в дверном проеме и глазам своим не верю.

Жена вывалила на кровать гору вещей — платья, блузки, джинсы, белье — и теперь самозабвенно складывает их в самый большой чемодан, какой только у нас есть. Тот самый, что мы покупали для медового месяца в Турции.

Спешит! Старается!

Волосы растрепанные, щеки красные. То и дело поглядывает на часы.

Вот тебе и покаянная жена с извинениями.

— Лиля, ты что делаешь, мать твою?! — рычу со зверским видом.

Она подскакивает, как ошпаренная, оборачивается. Лицо бледнеет, но она тут же гордо вскидывает подбородок.

— Как что? Вещи собираю... — Голос звучит ровно, даже слишком. — Или ты хочешь оставить себе на память мои платья и лифчики с трусиками? На бытовую технику не претендую, можешь ею подавиться.

Сарказм так и сочится из каждого слова.

И никакого намека на раскаяние!

— Ты охренела? — Не верю своим ушам. — Я думал, ты с извинениями пришла, а ты...

— Это ты охренел, если думаешь, что можешь спать одновременно со мной и кем-то еще, — перебивает она, швыряя в чемодан кружевной лифчик. — Тем более с моей подругой. Если ты еще не понял, я решила от тебя уйти.

Эта информация бьет меня по темечку бейсбольной битой.

Звенит в ушах, перед глазами мельтешат цветные пятна.

Кое-как фокусирую зрение, всматриваюсь в лицо жены с надеждой, что это она так по-идиотски шутит. Но нет! Там и намека на шутки никакого.

Взгляд у Лилии решительный, губы сжаты в тонкую линию.

— Ты обалдела, что ли? — пытаюсь достучаться до ее разума. — После первой же ссоры вот так сматывать удочки... Лиля, я ведь после такого финта и на развод подать могу! Ты вообще хоть немного наши отношения ценишь, чтобы вот так себя вести?

— Я сама подам на развод, — невозмутимо отвечает жена, складывая мое любимое синее платье, в котором она выглядит просто охренительно. — Можешь не волноваться по этому поводу.

Вот так легко — прости-прощай, на хрен ты мне не нужен.

У меня чуть пар из ушей не валит от такого ее заявления.

Как это — я и не нужен?

— Ты кем себя считаешь? — спрашиваю с пренебрежением. — Незаменимой, что ли? Вот так себя вести...

— О нет, — усмехается она, застегивая молнию чемодана с такой силой, что та визжит, — незаменимой я себя не считаю. Уверена, ты прекрасно меня заменишь кем-нибудь другим, у тебя ведь это так здорово получается...

Дешевая манипуляция под названием: «Почувствуй себя моральным уродом за то, что пихнул причиндалы не в то отверстие».

Мне прекрасно известны все манипуляции подобного рода. Дальше будут сопли, слезы, крики, обвинения. Девки же обычно так и делают, чтобы показать, какой ты козел, а они — бедные и несчастные. И единственное, чего она самом деле от меня сейчас хочет, — так это признаний в любви, заверений, что мои причиндалы отныне только ее и так далее и по тому же месту.

Вот приди она домой по-нормальному, покажи готовность к диалогу, я бы на это пошел. А так... Сломаю-ка я ей сценарий...

— Ну и вали к шутам! — цежу, скрестив руки на груди. — Забирай свои шмотки и вали, если ты так несерьезно относишься к нашему браку. Мне такая жена на хрен не сдалась, поняла?

— Поняла... — тихо отвечает она.

И тут происходит кое-что неожиданное.

Точнее, не происходит.

Она не начинает рыдать, не кидается в меня обвинениями, не пытается переубедить. Не давит на жалость, не просит ничего.

Вместо всего этого Лиля молча хватает чемодан, пару пакетов с вещами и на прощание бросает:

— Остальное заберу завтра.

С этими словами уносится из квартиры.

Причем делает это с такой скоростью, будто ей в трусики насыпали перца.

Хлопает входной дверью.

Очень хочу за ней побежать, но... Кем я после этого буду выглядеть?

Так и стою посреди спальни, смотрю на опустошенный шкаф, на смятые простыни.

Тишина звенит в ушах.

Прохожусь по квартире, чешу лоб, пытаюсь сообразить, где же я так напортачил, что позволил Лиле думать, будто я пустое место. Что ей в принципе можно так со мной себя вести.

Прописная истина, что если жена начинает бросаться словом «развод», то в этом браке больше ничего хорошего не жди. Сколько я таких историй слышал от друзей, не сосчитать. Если после такого ты сразу идешь на попятный, просишь ее не уходить, она потом при каждой мельчайшей ссоре будет устраивать такой показательный уход.

Верный знак — браку конец, надо разводиться. Не мои слова, народная мудрость.

Неужели мне вправду светит развод?

Но я не хочу, блин! Я ее, вообще-то, люблю, дрянь такую.

В этот момент слышу, как на лестничной клетке открывается дверь лифта. Металлический лязг, знакомый звук.

Бросаюсь туда, понятное дело. Потому что а вдруг Лилия одумалась? Вернулась? Вдруг стоит там, решается зайти домой... Так я ж ее под локоть моментально обратно затащу!

Пусть бы вернулась. Пусть!

В слепой надежде спешу в прихожую, открываю дверь. Но там сосед по лестничной клетке вернулся домой, и только.

И ни одной одумавшейся Лилии на пороге.

Хмуро закрываю дверь, а внутри все проваливается в пустоту.

Неожиданно натыкаюсь взглядом на черную сумочку, с которой Лилия в последние недели не расстается. Стоит на полке для обуви.

Вот же Лиля дает. Обувь прихватила, чемодан и остальное — тоже, а сумочку забыла, растяпа!

Я бы ей позвонил да напомнил, заодно высказал все, что думаю про этот гребаный развод. Но она ведь меня заблокировала.

Кстати, может, она вообще телефон в сумке оставила. Тогда точно вернется...

Беру сумку в руки — легкая, пахнет ее духами, этим сладким цветочным запахом. Пытаюсь открыть, но молния заедает. С усилием тяну собачку молнии, и та наконец раскрывается со злобным скрежетом.

Телефона там не оказывается — видимо, Лилия положила его в карман. Зато я нахожу небольшую продолговатую коробочку золотистого цвета.

Коробка украшена подарочным бантом, блестящим, красивым. А к банту приклеена записка.

Там написано аккуратным Лилькиным почерком: «Кирюша, ты скоро станешь папой! Я очень тебя люблю! Твоя Лилия».

Парам-папам-пам.

Глава 12. Переоценка ценностей

Кирилл

Стою посредине прихожей, пялюсь на записку и не понимаю, что это все значит.

В ушах гудит так, будто там поселился целый рой шмелей.

Присматриваюсь к коробке внимательнее, кручу в руках. Картон приятный на ощупь, а бантик переливается в свете люстры золотистыми искрами.

В этот момент меня пронзает острое чувство дежавю.

Потому что ровно такую же коробку мне вчера при всех вручала Анька — ту самую, с треклятым тестом. Даже бант точно такой же блестящий.

Открываю — и тут тест! Тоже положительный, две четкие полоски.

Это та же самая коробка?

Лиля решила так подшутить?

Но тогда бы вручила уж прямо в руки, а не в сумке оставляла, с запиской... К тому же я в сумку мог и не заглянуть, так?

Да нет же, не может быть, чтобы это была Анькина коробка! Ведь ту я смял и отдал матери, чтобы она выбросила. Или не мям, и Лилиа каким-то образом перехватила? Мозги начинают кипеть от попыток вникнуть в ускользающий смысл.

Хватаю телефон, набираю номер матери.

— Кирилл, как же я рада, что ты позвонил! — радостно отвечает она. — Ну рассказывай, помирились с Лилей? А то мы вчера все испереживались...

Ага, так переживали, что сидели в ресторане всей дружной компанией до закрытия и даже мне не позвонили — узнать, как дела. Тоже мне родственники.

— Мам, сейчас не надо лишних вопросов, — перебиваю ее. — Мне нужен четкий ответ: что ты сделала с той коробкой, которую мне подарила Анька?

— Известно что: выкинула, как только ты ушел искать Лилию, — отвечает мать, и в ее голосе появляются нотки недовольства: — А что такое? Знаешь, не нравится мне эта Анька... Мне кажется, врет она про беременность! Не то чтобы я была в полном восторге от твоей жены, но Анька... Она гораздо хуже. Умеешь ты себе женщин выбирать, сынок. То одна тебя за нос водит, то другая...

Мать продолжает говорить, но я будто глохну на время.

В мозгу всплывает воспоминание вчерашнего вечера: Лилиа пытается открыть сумку и что-то для меня достать, лицо у нее взволнованное, глаза блестят. Молния сумочки заедает точно так же, как пару минут назад у меня в руках, и жена сердито дергает собачку. А потом Лилию опережает Анька и театральным жестом сует мне свой долбаный подарок. У жены в этот момент округляются глаза, на ее лице появляется выражение, которое я тогда принял за удивление...

Анализирую факты, пытаюсь думать головой, а не задницей.

У Ани коробка, у Лили коробки. Одинаковые, блин!

Кто у кого слямзил идею?

Учитывая, что Анька работает в магазине подарков, очень может быть, что моя жена ходила к ней за той самой коробкой, рассказала о своих планах, а Анька из вредности решила ее опередить. У нее хватит стервозности на такой номер.

Это что ж получается — жена хотела мне подарить на день рождения положительный тест? Она беременна теперь? По-настоящему? Это никакая не шутка!

Я стану папой!

Ну конечно стану, все четко написано Лилиным почерком, аккуратными буквами с завитушками. Жена не стала бы шутить такими вещами.

Ай да молодец я, ай да красавчик! Таки сделал ей бейбика, смог! Старался-старался месяцами, и вот результат!

Хочется подпрыгнуть на месте от внезапно накатившего облегчения и счастья. Оно так распирает грудь, что кажется, еще чуть-чуть — и лопну от радости.

Будет у нас с Лилькой малыш, такой же умный, как я, и такой же красивый, как она. Пацан будет, я чувствую! Как из подгузников вырастет, я сразу начну им заниматься — в футбол научу играть, на гимнастику буду водить и в бассейн... еще на бокс! Зимой — на лыжи, на хоккей. Будем с ним рыбачить ездить, в поход на выходных. Буду ему все рассказывать про жизнь, как мужчиной быть, как с девочками общаться.

Конечно, пока мелкий совсем — это жены докука, само собой. Пусть пеленки меняет и по ночам качает. А как подрастет годиков до трех-четырех-семи, так я обязательно буду уделять ему кучу времени. Научу всему, что сам умею.

— Кирюш, ты меня слышишь вообще? — Голос матери врывается в мои мечты.

А я, кажется, не могу держать в себе новое открытие.

— Мам, Лиля беременна, представляешь? Наконец-то! — выпаливаю, не в силах сдержаться.

— Ой, батюшки, новость-то какая! — Ее голос становится на октаву выше. — Ой, как же здорово, Кирюша! Я так этого ждала! Я сейчас Лилечке позвоню, расскажу, как ей надо себя вести, какие витамины принимать, к какому врачу идти, что есть, что не есть...

Э-э... Стоп-стоп-стоп!

Тут-то до меня и доходит, какую свинью я себе подложил, рассказав все матери. Мозги наконец включаются. Это Лиля сейчас как возьмет, как признается ей, что съехала от меня с вещами! И начнется зубодробительное разбирательство, кто в чем виноват, с пристрастием и подробностями.

Мать влезет в наши отношения обеими руками и доломает их окончательно. В ней же такта ноль целых, ноль десятых, она может такого наговорить...

— Мам, не надо ей пока звонить. Я скажу, когда будет можно.

— А что ж так? — В голосе появляется подозрение. — Вы помирились с ней вчера? Ты ведь в ресторан так и не вернулся...

— Не совсем, но я над этим работаю, — бубню, понимая, что вляпался по самые помидоры. — Вся информация потом.

Холодею, вспоминая, что совсем недавно наговорил Лиле.

Кто меня за язык тянул? Кто?!

Мать тем временем разоряется:

— Что значит «информация потом»? Что значит «не совсем»? Как можно помириться не совсем? Ты мать слушай, я ж тебе говорю: по сравнению с той Анькой Лиля еще ничего! На ее фоне-то... Тем более беременная! Ой, счастье-то какое, сейчас всем родственникам позвоню, тете Вере, тете Кате...

— Не надо никому звонить! — почти кричу, представляя, как эта новость разлетится по всей родне за пару часов. — Просто подожди хотя бы сутки.

— Это почто ж ты меня в такую пытку египетскую ввергаешь? — возмущается мать. — Внук будет, а мне и рассказать никому нельзя? Даже сватье не звонить, что ли?

— Даже ей! — твердо отвечаю. — Все, пока, мама, мне некогда.

Отключаю телефон.

Надо быстренько вернуть Лилю домой, пока у мамы от нетерпички не сорвало крышу и она не начала обзванивать весь город.

У меня будет ребенок!

В свете этого все наши с Лилей проблемы отчего-то сразу начинают казаться мелочью. Даже учить жену уму-разуму уже совсем не хочется. Подумаешь, поругались из-за какой-то дуры. Бывает! Главное — наследник растет.

Разумеется, ни о каком разводе и переезде Лили куда бы то ни было теперь речи не идет. Куда она денется с моим ребенком? Это ж полный абсурд!

Ну Лилька, ну мозгоклюйка!

Не могла раньше сказать, что ли?

Прямо в лоб: «Кирилл, я беременна, поздравляй!» Еще вчера могла сказать, а не с этим подарком мудохаться. А если б я сумку не открыл, подарок не нашел?

В эту минуту мне резко становится понятно, почему Лилия на меня так обиделась. Конечно же! Она мне в беременности признаться хотела, готовила подарочек, записку писала трогательную, волновалась наверняка. А тут ее опережает лучшая подруга с точно таким же сюрпризом.

Любая бы на ее месте закусила удила и устроила скандал.

Тем более у беременных и без повода крыша частенько подтекает.

Опять же, друзья вводили в курс дела, что творили их жены во время беременности.

Пашка рассказывал, как его Светка среди ночи будила и требовала ехать за клубникой в декабре.

Димка жаловался, что его Оксана заставляла каждый день переставлять мебель, потому что «энергетика неправильная».

А уж что Серега терпел от своей Тани — волосы дыбом встают: то ей казалось, что он на нее странно смотрит, то она требовала, чтобы он с ней разговаривал только ласково, а то ребенок в животе испугается.

Оно, конечно, на голову не натянешь такое поведение, но тут никуда не денешься. Хочешь продолжения рода — терпи беременную жену со всеми ее закидонами. А она ведь и костерок у тебя на голове развести может при случае, если что не так...

Хрен с ним, пусть разводит на моей голове тот костерок, как-то выдержу. Хочет извинений? Да пожалуйста. После такого-то известия я готов принести ей хоть с десятков извинений. Главное — домой ее вернуть, и быстро.

Моментально накатывает злость на себя, когда прокручиваю в голове, что брякнул Лиле про развод, увидев, как она складывает вещи.

Как я мог так необдуманно себя повести? Мог бы сначала разобраться, в чем дело, а потом уже рот разевать. А кто ее за язык тянул, когда сама сказала, что подаст на развод? Она что, сумасшедшая — разводиться со мной, будучи беременной?

Однозначно, это за нее гормоны говорили, а я все гадал — куда делась моя рациональная послушная жена? Вот где собака зарыта! Лилия просто забеременела.

Не надо было вообще ее из дома выпускать! Надо было чемодан отобрать, ключи спрятать и сидеть дома, выяснять отношения по-человечески.

Ишь чего надумала — разводиться она со мной будет. В ее положении!

Ага, аж бегом!

Фигу с маслом ей, а не развод.

Рожать мне будет, а потом воспитывать наследника. И никаких разводов, и никаких переездов в клоповники.

Дело за малым — найти жену и вернуть домой.

Главное — правильно подойти к вопросу.

Что-что, а это я умею — правильно к вопросу подходить.

Глава 13. Найти, забрать и помириться

Кирилл

В слепой надежде, что Лиля до сих пор стоит со своими чемоданами на остановке или в крайнем случае во дворе ждет такси, я кидаюсь к двери.

Вылетаю на лестничную клетку как есть, только ботинки успеваю нацепить.

Где этот треклятый лифт? Жму на кнопку вызова раз, другой, третий. Вот, как назло, горит себе цифра 7, и хоть тресни.

Еще раз жму.

Слышно, как механизм скрипит где-то наверху, но спускаться явно не торопится.

— Да езжай же ты, железяка! — шиплю сквозь зубы.

Ругаю себя на все лады.

Надо было сразу бежать за Лилей, а не с мамой по телефону трепаться! Сколько времени потратил зря. Минут пятнадцать, не меньше.

Наконец лифт соизволил приехать. Дверцы открываются с противным металлическим скрежетом. Заскакиваю, жму на первый этаж и начинаю нервно барабанить пальцами по стенке кабины. Едет, будто груженная кирпичами.

— Быстрее, быстрее! — бормочу себе под нос.

Этаж за этажом ползет цифра на табло.

Четвертый... третий... второй...

Наконец первый!

Выскакиваю из лифта и несусь к выходу. На улице сразу бьет в лицо морозный воздух — черт, куртку забыл! Но времени возвращаться нет, пробегаю по двору, оглядываясь по сторонам хищным взглядом.

Пустота.

Абсолютная пустота.

Ни Лили, ни чемоданов, ни даже следа от них на снегу. Только ветер завывает между домами.

Холодина собачья, аж дыхание паром идет. Но Кирилла Остапова холодом не проймешь. Бегу к остановке — вдруг она там маячит в ожидании троллейбуса?

Но и на остановке никого.

Не то что Лилии, а вообще никаких пассажиров.

Правильно, умные люди дома сидят, телевизор смотрят... Тем более если эти люди беременные!

— Черт, черт, черт! — выдыхаю в морозный воздух.

Зубы уже стучат от холода, а пальцы рук совсем окоченели. Надо возвращаться.

Бегу обратно к подъезду, поднимаюсь на свой этаж.

И тут выясняется, что от нервов я вообще голову потерял — дверь квартиры нараспашку! Хорошо хоть, никто не вошел, не обчистил. Пусть район приличный, но всякое в жизни случается.

Хватаю куртку, ключи от машины. На всякий случай проверяю карман — кошелек на месте. Тщательно запираю дверь и снова бегу вниз.

В машине сразу включаю печку на полную, растираю руки. Слава богу, хоть за цветами заезжать не надо, лишнее время тратить. Вот они, родименькие, ждут своего часа на пассажирском сиденье.

Выруливаю со двора и еду напрямик к Лилиному дому. Может, она еще в пути, в пробке застряла? Или только-только приедет, будет выгружать свои чемоданы — тогда я подкачу как раз вовремя.

Закину ее вещи в багажник, а ее саму затащу в машину.

Сначала, конечно, извинюсь — как полагается, по всем правилам. И, пока она будет в шоке от моего мужского поступка, увезу домой. Там уже дело техники: поцелуи, признания, страстная любовь...

Даже план созревает: на Новый год махнем в горы.

Пашка предлагал ключи от своей дачи — говорил, там зимняя сказка сейчас: лес, природа, тишина. Раньше меня это не прельщало — ну что там делать, где, кроме нас, не будет ни одной живой души? Романтик из меня так себе, это я про себя понял давно. Но ради Лили постараюсь. Она должна оценить мой жест.

Подъезжаю к ее дому.

Осматриваю двор — никакого такси, никаких чемоданов у подъезда. Значит, либо уже успела занести вещи наверх, либо действительно торчит где-то в пробке.

Паркуюсь чуть поодаль, беру розы и направляюсь к подъезду. В кармане звенят ключи от Лилиной квартиры — хорошо, что не вернул вчера на эмоциях.

Поднимаюсь на четвертый этаж, останавливаюсь перед знакомой дверью.

Стучу — сначала деликатно, потом погромче.

— Лиль, это я. Открывай.

Тишина.

Стучу еще громче.

— Лилия! Ты дома?

Опять никто не отвечает. Может, действительно нет? Или затаилась, не хочет со мной разговаривать? Такое вполне может быть.

Решаюсь достать ключи — в конце концов, это же моя жена, имею право. Все, что ее, — мое, или как там говорится...

Пытаюсь вставить ключ в замочную скважину, а он не вставляется, зараза!

Еще раз пытаюсь — и опять тот же результат.

Она сменила замок?!

Только собираюсь как следует выругаться, как за спиной раздается грозный голос:

— Ты что тут делаешь, молодой человек?

Оборачиваюсь.

На пороге соседней квартиры стоит дед лет семидесяти в домашних тапочках и видавшем виды халате. Лысина блестит, глаза хитрые, недоверчивые.

— Я к жене, — отвечаю, стараясь говорить спокойно.

— К какой еще жене? К Лилечке, что ли? — недоверчиво прищуривается дед. — А ну-ка, документы покажи! Свидетельство о браке давай!

Спрашиваю угрюмо:

— Ты кто такой?

— Дядя Саша я, бдительный сосед. А вот ты кто такой — это вопрос. Может, ты вор, а? Или маньяк какой? Паспорт есть?

— Да какой паспорт? Я же говорю — муж.

— А может, и не муж вовсе, — не унимается противный дед. — А даже если муж, то все равно — Лилечки дома нет, и всяких проходимцев я к ней не пушу. Чеши отсюда, а то полицию вызову!

— Да вы что?

— Иди, иди, а то быстро позвоню! — Дед делает угрожающий жест в сторону своей квартиры. — Телефон у меня работает исправно.

Понимаю, что связываться с противным стариком не стоит. Еще действительно ментов вызовет — только скандала не хватало.

Молча разворачиваюсь к лестнице.

Дядя Саша недоверчиво провожает меня взглядом, пока спускаюсь.

Несолоно хлебавши выхожу из подъезда, возвращаюсь к джипу.

Сажусь в машину, соображаю, что делать дальше.

Меж тем на улице уже темнеет — зимний день короткий.

И тут наконец вижу знакомую фигурку, идущую по двору.

Лиля!

Она шагает неторопливо, в руках пакет, из которого торчит длинный багет. Значит, за продуктами ходила. А чемоданы, видимо, действительно успела занести.

Выскакиваю из машины с цветами наперевес и иду мириться.

Вот она сейчас удивится, наверняка ведь не ожидала, что так быстро примчусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.